

С нулевого ранга

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ
АРОН РОДОВИЧ

Том 3

**Арон Родович
Сергей Реалов**

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 3**

<https://litres.ru/74609388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря!
Ведь я вернулся на двенадцать лет назад!

Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать.

Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз!

Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными.

Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

Содержание

Глава 42	4
Глава 43	20
Глава 44	32
Глава 45	46
Глава 46	64
Глава 47	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Реалов, Арон Родович Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 3

Глава 42

Я поставил пику в чехле к борту грузовика и проверил списки на терминале Кима. Ветер пах серой и горелым сахаром. У края стартового лагеря подошвы нагревались даже на бетонных плитах. Я переступил на затенённую полосу возле грузовика; оттуда было видно, как элита «Авроры» проверяет снаряжение. Хотелось проверить вместе с ними, хоть по одному остановить и сказать, куда идут. Их было двенадцать человек в чистых, без единой царапины доспехах, с отполированными до зеркального блеска щитами. Я задержал взгляд на чистых щитах. На каждом ещё можно было разглядеть отражение лагеря; никто не отворачивал их от жары, которую потом встретит внутри. Эти двенадцать в первой линии не продержались в «Обжарке» и двадцати минут. Сейчас пересчитывали снаряжение, как перед обычным выходом, и я никак не мог перестать считать вместе с ними.

Мои «серые мыши» сидели в тени грузовика. Десять человек: Пётя, Катя и восемь тех, кто согласился войти в состав моей навигационной группы. Я сверил жетоны ещё до регистрации. Пётя крутил колпачок от фляги. Зажигалка, подаренная им у периметра, лежала у меня; пальцы у него всё равно искали что-нибудь привычное. Катя перебирала бумаги, делая вид, что не видит, как охрана гильдии блокирует нам доступ к пункту регистрации.

— Заявка отклонена, — Виктор провёл стилусом поперёк строки с моими людьми. Виктор говорил, глядя на перечёркнутую строку. Я проследил за стилусом: десять моих людей он убрал одним движением и даже не посмотрел на них. Попробуй теперь подпиши, что пришёл сюда один. — Состав рейда утверждён советом. Лишние рты нам не нужны.

Я сделал шаг вперёд. Правая рука оставалась в сером жёстком фиксаторе, на плечевой перевязи. Красное «1/12», которое вчера написала Катя, торчало над рукавом. Я держал корпус прямо, пока ремень тянул плечо тупой болью. Стилус возьму левой.

— Лишние рты? — Я придвинул к нему терминал со списком жетонов. Тихо, чтобы слышал только он и стоящий рядом офицер рейда, Гредин. — Или лишние свидетели?

На слове «свидетели» Виктор наконец поднял глаза. Я удержал терминал возле его планшета, не забирая назад. Ему было неинтересно слушать мой отказ; мне требовалось, чтобы он всё-таки прочёл фамилии, которые только что вычерк-

нул.

— Вы, эксперт Пырьев, имеете право находиться в сопровождении. — Виктор ткнул стилусом в мою единственную зелёную строку. — Но вы не имеете права тащить за собой расходников. Подпишите отказ от ответственности за балласт, и можете идти. Один.

Гредин повернул ко мне планшет. Я начал читать с верхней строки, не с поля подписи, куда он поставил стилус. Никакого упоминания о Викторе и его приказах; только то, что потом можно зачитать родным: «За жизнь сторонних лиц, не входящих в штатный состав элитной группы, гильдия ответственности не несёт».

Я взял стилус левой. Костяшки пальцев побелели. Гредин придержал планшет, ожидая подпись. В первой жизни такие отказы лежали поверх списков погибших: человек сам вышел из состава, сам пошёл в разлом, гильдия только выразила соболезнования. Здесь мои десять уже стояли за мной. Я положил стилус поперёк поля подписи. Пусть ещё подождёт.

Я вспомнил базу Реестра, которую теперь мог открыть своим экспертным допуском, и отчёты первой жизни. D-навык дал мне ранг и сломанную руку на стенде. Двенадцать лет памяти никуда не делись. Структура «Обжарки» была сложной, многоуровневой. Элита никогда не входила в глубокие слои без поддержки. У них были стрелки, разведчики, тяжелые щиты. И у них была проблема: их стандартное оборудование не проходило через тепловые экраны нижних

горизонтов.

Я не стал подписывать. Вместо этого я открыл свой личный терминал — устройство «ценного эксперта», которое Ким выдал мне в палате. Доступ начинался сегодня. Экран подтвердил вход и зарегистрировал обращение. Я открыл регламент и карту «Обжарки». Каждый запрос проходил под моим номером. Стереть их, как лист из журнала, уже не получится.

— Статья 42 регламента самостоятельных рейдов, — я повернул терминал текстом к Виктору и удержал возле его планшета. — Эксперт имеет право расширить состав группы, если это обусловлено спецификой разлома и отсутствием у элитных подразделений необходимых навыков навигации в термальных зонах. Мои люди умеют читать тепло по запаху воздуха. Ваши нет.

Пётя перестал крутить колпачок. Катя встала из тени, раскрыла папку с допусками на борту грузовика. Виктор посмотрел на десять жетонов, потом на своих двенадцать чистых щитов. Гредин поднёс планшет ближе к моему экрану, сверяя пункт.

Виктор усмехнулся и указал стилусом на мой фиксатор.

— Вы играете в юриста, Дима? После того, как на стенде вам переломало руку за попытку залезть выше головы?

— Я играю в выживших, — я вернул терминал к списку и провёл пальцем под фамилиями моих людей. — Пропустите моих людей, или я вызываю инспекцию Реестра прямо

сейчас. Мне плевать, кто сорвет ваш график. Им тоже будет плевать, когда они увидят, сколько тел вы списали в предыдущем квартале.

Гредин придвинул планшет к терминалу и прочёл пункт ещё раз. Я дал ему дочитать, не торопил: после угрозы инспекцией ему важнее убедиться самому, чем поверить мне на слово. Он поднял глаза на Виктора и кивнул. Вот теперь можно было дожидаться отметки, а не ещё одного разговора о балласте.

— Состав расширен, командир. — Гредин поставил зелёную отметку возле моей группы. — Личность эксперта подтверждена. Навигационные навыки... теоретически применимы.

Виктор долго молчал. Потом протянул планшет Гредину, отвернувшись от меня.

— Хорошо. Пусть идут. Но замыкающими. В хвост колонны. Там, где обычно теряются такие, как ваши «мыши».

Я дождался десяти отметок на общем канале и подключил к нему наушник терминала. Только потом убрал устройство под куртку. Виктор получил хвост колонны. Я получил людей внутри рейда и запись, что они входят со своим допуском. Теперь списать одного потерявшегося будет сложнее.

Пику я снял с борта. Цепь для страховки лежала в том же чехле; я пристегнул её к поясу слева, свободный конец вывел наружу. Провёл большим пальцем вдоль звеньев, убрал перекут: когда понадобится дёрнуть, цепь должна пойти за

рукой, а не зацепиться за чехол. В первой жизни такими вытаскивали грузы из провалов. Сегодня грузами нас собирались назначить заранее.

Колонна двигалась медленно. Элита шла впереди, как плотная стена брони. За ними шли мои «серые мыши» — десять человек в потертых куртках и с самодельными щитами из автомобильных дисков. Я замыкал строй вместе с Петей.

По стенам «Обжарки» стекало оранжевое. Я отступил от шипящих капель и показал Пете остриём край: ближе к стене не жаться. На вдохе жгло лёгкие, и пришлось дышать мельче. Древком следил за расстоянием до щитов; в таком воздухе люди начинали тесниться, сами не замечая.

У следующего поворота я ещё раз посмотрел на стены. По памяти здесь проходили свободно, коридор был в пять метров. Теперь плечи колонны почти цепляли края, а стена на миг выпирала к нам и отпускала. Я дождался, пока отойдёт, прежде чем сделать шаг. Прежней ширины здесь уже не было.

— Держим дистанцию! — Я вытянул пику между двумя сблизившимися щитами, заставив их разойтись. Пётя обернулся на движение.

— Слышу, шеф! — Пётя отвёл свой щит на полшага и показал ладонью следующему держаться дальше.

Через час я уже не пытался совместить видимое со старой картой. Элитные бойцы тоже оглядывались на пройденные повороты. Один задерживал голову чуть дольше другого, и

следующие едва не налетали ему в спину. По их маршруту здесь ещё можно было идти не озираясь; по нынешнему — уже нет. Я держал пику так, чтобы успеть остановить своих прежде, чем они повторят движение впереди.

Впереди пришлось сбавить шаг: поперёк пути раскрылась чёрная трещина. До другого края оставили узкую корку остывшей магмы. Я смотрел не в глубину, а на ботинок переднего бойца. Он уже ступил на мост, и корка под ним чуть подалась. У камня так ходит край перед самым обвалом. По виду — можно пройти. После первого шага — уже хочется схватить идущего за наплечник.

Офицер Гредин остановил колонну.

— Мост нестабилен, — Гредин снял подошву с кромки и поднял ладонь к колонне, говоря в коммуникатор. — Вес D-ранга вызывает резонанс.

Виктор махнул рукой, подгоняя переднего бойца.

— Проходить по одному. Быстро.

Первый элитный боец шагнул на мост. Второй полез следом, не дождавшись освобождения другого берега. Конструкция закрипела. Трещины побежали по поверхности, как живые корни.

— Стоять! — Я ударил наверху пики в камень возле своей ноги, привлекая тех, кто уже собрался выйти следом.

Виктор обернулся.

— Чего ты хочешь, эксперт? — Виктор оттеснил ближайшего бойца плечом, открыв себе обзор на меня.

— Вес колонны создаст волну. — Я остриём показал узкую полосу у стены. — Если все пойдут сразу, мост сложится. По одному. Следующий через три секунды после того, как первый сойдёт. Боком по краю, коротким приставным шагом, без удара пяткой.

В первой линии я видел этот мост после обвала. Середину раскачали строевым шагом. Края остались прижаты к стене. Я помнил место опоры, теперь показывал его тем, кто уже стоял на прогибающейся корке. Остриё держал у самой полосы целого камня. Следующий боец смотрел мне в лицо; я опустил пику ниже, к его ботинку. Смотреть сейчас надо было туда.

Гредин посмотрел на меня, потом на мост.

— Выполнять приказ эксперта, — Гредин направил ладонь к отмеченному краю и удержал второго бойца за наплечник, пока первый не сошёл.

Виктор сжал челюсти, но ничего не ответил. Бойцы стали перестраиваться. Медленно, тяжело, но мост держал. Красная трещина расширялась, пока мы проходили по целому краю. Пётя дождался меня на последнем шаге. Когда вся колонна прошла через трещину, середина, просевшая ещё под первыми бойцами, осела вниз, закрывая путь назад. Мы оказались в новой зоне.

На новом участке я перестал слышать шаги за шипением пара. Потом разобрал стук: тук-тук. Пауза. Тук-тук. Рука сама придержала древко ближе к себе. Этот звук я помнил ку-

да лучше, чем хотел. Стрелковые гнёзда должны были встретить нас дальше, когда успеем выбрать место для укрытия. Здесь колонна ещё толпилась после моста.

За шипением пара стрелков ещё не было видно. Ждать, пока покажутся, нельзя: колонна ещё стояла на открытом месте. Я спустил пику с перевязи, поставил нижний конец к камню и прижал древко к скуле. Две короткие отдачи. Потом пауза перезарядки. Место они сменили; механизм остался прежним.

— Ложись! — я опустился за Петин щит, потянув его вниз за ремень левой рукой.

Первая волна стрел ударила в щиты передовой группы. Древко пики в моей левой ладони завибрировало. Нижний конец ещё упирался в породу. Все три стальные секции были свинчены на полную длину. Для моей головы она сейчас работала как антенна.

Через древко я почувствовал начало очередной перезарядки раньше, чем различил звук среди свиста стрел. Ритм. Два коротких удара — длинная пауза — три коротких.

— Пауза сейчас! Бежим! — Я поднял пику с камня и указал остриём на нишу за выступом.

Я рванул вперёд, увлекая за собой Петю и «мышей» за каменный выступ. До него было открытое пространство, после — укрытие. Остальные в колонне замерли, ожидая приказа Виктора. Но Виктор медлил. Он считал.

Мы пересекли открытое пространство и нырнули за вы-

ступ. Следующая волна стрел ударилась в стену позади нас. Катя пересчитала головы, коснулась плеча последнего и показала мне десять пальцев. Все здесь.

— Как ты узнал? — Пётя втиснулся в нишу, удерживая край щита над головой. Задышался, но глаза его сияли.

— Пика чувствует, — я поставил древко возле колена и приложил к нему скулу. Ремень натёр край старой повязки под фиксатором; рука отозвалась резкой болью. — Пока вы ждёте приказ, я слышу перезарядку. Металл через породу передаёт раньше, чем доберётся звук.

Гредин подбежал к нам.

— Это невозможно. Оболочки снарядов не передают сигнал на таком расстоянии. — Гредин взялся за древко выше моей ладони, пытаюсь поймать ту же дрожь.

— Значит, ваша наука ошибается, — я прижал левой ладонью сухую ткань, которую сунула Катя, к краю перевязки. Старое повреждение натёрлось ремнём. До снятия фиксатора оставалось гораздо больше одного рейда. На стенде я заплатил за D; повторять этот платёж на бегу не собирался.

Виктор подошёл ближе. Он смотрел на тёмный край моей старой повязки и придерживал карту так, чтобы прикрыть от Гредина нижний участок.

— Ты ведешь нас по неверному маршруту, эксперт. — Виктор оттеснил Гредина от пики и развернул карту перед нами.

— Я веду вас живыми, — я снял ладонь с перевязки и

указал левой на собравшихся в нише. — А вот вы, командир, ведете нас в тупик. Посмотрите на карту.

Я ткнул пальцем в голограмму разлома. Линия пути уходила вправо, вдоль гигантской лавовой трещины. Сектор, которого не было в моей памяти. Сектор, названный «коротким проходом».

— Этот проход существует, — Виктор протянул палец вдоль новой стрелки на карте. — Но он требует жертв.

Свет в разломе убавился почти сразу, пока мы выбирали место ночёвки. Устроились на кромке скалы; внизу двигалась магма, и от неё грело даже сквозь одежду. Я оттянул ворот левой: плащи у ближайших бойцов уже дымились, а отойти от потока далеко на этой площадке не получалось. Пришлось сначала найти место для правой руки, потом думать, как тут спать.

Рука болела адски. Катя подтянула плечевую перевязь, не снимая жёстких пластин, и сменила отсыревшую наружную ткань. Из-под фиксатора выглядывали опухшие пальцы. Я уложил правую на свёрнутую куртку, чтобы не тянула вниз.

Пётя молча принес воду.

— Держи, шеф. Глотни. — Пётя открутил крышку и поставил флягу мне слева.

— Спасибо, Петя. — Я взял её левой, сделал глоток и опустил к колену.

— Сильно болит? — Он подвинул куртку под фиксатор, глядя на опухшие пальцы.

— Терпимо. — Я подвигал свободными кончиками. — Пальцы на месте, люди тоже. Виктору день не удался.

Виктор подошел к нашему лагерю. Охрана не мешала ему. Он был хозяином положения, даже если положение стало шатким.

— Завтра, — Виктор поставил сапог рядом с моей флягой и развернул карту. — Порядок меняется. Ты идешь первым.

Я поднял голову.

— Почему? — Я убрал флягу от его подошвы и дождался, пока он уберёт от неё ногу.

— Потому что ты чувствуешь ловушки. — Он пальцем наметил место моего выхода у кромки. — Если ты умрешь первым, остальные успеют отступить. Если выживешь — поведешь остальных.

Я посмотрел на отметку у кромки, потом на его сапог. Очень удобное распоряжение: я проверю ловушку собой, они успеют отступить. Виктор ждал согласия. Спорить с первым местом пока не стану; сперва узнаю, куда он собирается поставить моих десятерых.

— А мои люди? — Я указал флягой на десять щитов у палатки.

— Будут за тобой. Во втором ряду. — Виктор передвинул отметку группы за моей.

Я достал блокнот. Тот самый, школьный, с котом на обложке. Открыл его на чистой странице. Писал левой, прижимая блокнот коленом. Буквы получались угловатыми; приказ

от этого не становился менее разборчивым. На слове «расходники» карандаш продавил лист. Я ослабил нажим и дописал строку: Виктору нужен был читаемый приказ, а не дырка вместо десяти человек.

«Протокол перехода: Группа 1 (эксперт) — ведущий. Группа 2 (элитная поддержка) — прикрывающий огонь. Группа 3 (расходники) — резерв.»

Я перечитал строку. Мыши на карте только что стояли во втором ряду; в приказе оказались резервом. Я поднял блокнот к Виктору.

— При Гредине то же скажешь? — Я повернул лист к ко-
стру, чтобы офицер у караула увидел запись.

Виктор помедлил, потом повторил распределение вслух. Гредин занёс в планшет. Ведущий — я. Элита — прикрытие. Мыши — резерв. Теперь приказ лежал в двух местах.

Я не сразу убрал страницу. В старой «Авроре» таких приказов набралось бы на сотни выходов. Потом листаешь потер-
ри — и снова узнаёшь распределение: ведущий погиб, при-
крытие не успело вмешаться. Никто не пишет «под нож»,
пишут «ведущий». Про остальных заранее указали прикрыва-
ющий огонь, поэтому в объяснении будет достаточно од-
ной задержки. Я провёл ногтем под своим местом в прото-
коле. Виктору даже не пришлось придумывать новую фор-
мулировку, чтобы поставить меня первым.

Я посмотрел на Виктора. Он улыбался уголком рта.

— Что-то не так, эксперт? — Виктор поставил палец на

край блокнота, будто собирался закрыть его за меня.

— Нет, — я вынул блокнот из-под его пальца и закрыл. — Все правильно. Только вот одна деталь. В прошлых таких же протоколах ведущий всегда получал дополнительную страховку.

— Например? — Виктор поднял подбородок, упершись большим пальцем в край карты.

— Например, информацию о том, что находится в конце коридора. — Я указал карандашом на пустой участок за переходом.

Виктор пожал плечами и убрал карту от моего карандаша.

— Информации нет. Есть только разлом.

Виктор повернулся к своей палатке, словно я спросил всего лишь время подъёма. Искры костра понесло ему вслед. Я остался с карандашом над пустым концом коридора: ни названия, ни укрытия, ни обещанного пути назад он так и не дал. Отмечать было нечего.

Карандаш пришлось убрать, пока не сломал в здоровом кулаке. Виктор уже шёл к палатке, считая разговор оконченным. Я смотрел ему вслед: утром подойдёт вплотную, проверит, послушно ли пошёл первым. Тогда у меня будет и расстояние до него, и его уверенность, что собственной страховки у меня нет.

Я вынул из поясной петли одно звено цепи, проверил, не зацепится ли оно за ремень. Виктор оставил себе броню, мне — право идти первым. Разницу в цене этой экипировки он

утром ощутит собственной спиной.

Я открыл блокнот снова. Написал на полях: «Проверить связь. Кто третий в эфире?»

Потому что сегодня, когда мы проходили зону стрелков, я почувствовал вибрацию пики. Но стрелы летели не только с фронта. Одна из них пришла сбоку. Оттуда, где на карте оставили глухую стену. В наушнике одновременно прошла чужая короткая команда. Я слышал её через общий канал, подключённый на регистрации. У Виктора своя последовательность приказов; тот голос в неё не укладывался.

Кто-то помогал Виктору. Или мешал ему.

И этот кто-то был здесь. Прямо сейчас.

Пётя сел рядом.

— Шеф, ты чего пишешь? — Он протянул флягу, удержав её за горлышко, пока я не взял.

— План на завтра, — я перевернул страницу, оставляя пометку про эфир под ней. — Когда скажу «щиты», шестеро выходят передо мной. Остальные закрывают хвост. Элиты не ждите.

Пётя посмотрел на запись, коснулся слова «резерв» и убрал палец.

— Им не ждать нас удобнее, — он подвинул флягу к моему колену. — Принято.

Я закрыл блокнот.

— Спи, Петя. Нам понадобятся силы.

— А тебе? — Пётя придвинул ко мне свой щит ребром,

заслоняя от костра.

Я посмотрел на свою искалеченную руку. Лево́й проверил свободный конец цепи на поясе.

— Мне понадобится удача. И немного хитрости.

Под скалой гудело; на этом гуле никак не удавалось слышать, откуда может прийти ещё один приказ. Пётя подоткнул куртку под мою правую и вернулся к своим. Я уложил свободный конец цепи поближе к левой ладони, попробовал дотянуться, не приподнимаясь. Достаю. Виктор утром увидит послушного ведущего. До той секунды, когда подойдёт сам, мне придётся это ему показывать.

Глава 43

Кромка лавовой трещины пахла серой и горячим железом. В жаре над трещиной расплывался другой берег. Я моргнул, снова попытался разглядеть край перемычки. Пускать этот воздух прямо в лицо не хотелось; подбородок опустил, но на камень под ногами смотреть продолжал. Я стоял первым, упираясь левой ногой в целый край остывающей корки. Пику удерживал левой ладонью, правая оставалась прижатой к груди в сером фиксаторе. Нижний конец древка я заранее упёр в каменную щель у края; проверил надавливанием. Камень держал. Пика была длинной — полная раскрутка всех трёх секций превращала её не столько в копьё, сколько в антенну. Опора в породе передавала дрожь по металлу. Если прижать ухо к древку, можно было услышать механизмы за паром до того, как их увидишь.

Я прижался щекой к холодному металлу древка. Вибрация пошла через кости черепа прямо в мозг. Где-то далеко, за пеленой жара, ритмично постукивало: тук... тук... тук... Залпы. Костяные стрелки «Обжарки» сидели в гнездах, выдолбленных в базальтовых плитах, и они уже начали наводить свои арбалеты. Но я слышал их раньше, чем они успевали натянуть тетиву. Металл древка ловил сотрясение почвы от шагов операторов, звон механизмов, скрип деревянных колод.

— Дима, ты чего дёргаешься? — голос Виктора прозвучал совсем рядом. Он стоял позади меня, чуть сбоку, как настоящий командир элиты должен стоять позади расходника. Голос был мягким, даже заботливым. Это бесило больше, чем крик.

— Слушаю, — я прижал скулу к древку, не оборачиваясь. — Там, справа, по гребню, кто-то ходит. Тяжелый.

Виктор хмыкнул. Его сапог сдвинулся ещё ближе к моей пятке и хрустнул по крошке.

— Это ветер гуляет по плитам. Или ты снова забыл, где находимся? Карта разлома изменилась после ночной осыпи. Мы идём коротким путём.

Он имел в виду этот самый переход — узкую перемычку шириной в два шага, переброшенную через чёрный зев трещины, из которой сочилась оранжевая лава. На другой стороне виднелась площадка, куда часть элиты прошла по соседнему пандусу ещё до моего выхода. Остальные и мыши ждали за нами, на нашем берегу. За спиной Виктора, в пяти метрах позади, колонна «Авроры» начала разворачиваться для отхода. Я краем глаза заметил движение: люди в дорогах панцирях не шли вперёд, они пятками уходили назад, создавая дистанцию. Приказа на отход я не слышал. Смотрел, как отходят их пятки: сначала один, следом сосед, потом ещё двое оставили между собой и переходом пустое место. Когда Виктор подтолкнёт меня, рядом с ним свидетелей окажется поменьше.

— Отход без приказа? — Я повернул голову, проверяя, где остановились мыши, и встретил Петин взгляд.

— Тактический перегруппировочный манёвр, — парировал Виктор. Он сделал шаг ко мне. Ближе. Слишком близко для страховщика. — Ты первый. Читай дорогу.

Я опустил взгляд под ноги. Прямо перед моим правым ботинком лежал кусок породы, отколотый от края трещины. Свежий скол. Бледный, матовый, не покрытый пылью и не опалённый жаром. Кто-то ударил по нему киркой или ломом совсем недавно. Осыпь была подготовлена. Мне нужно было наступить на этот шаткий язычок камня, чтобы он рухнул вниз, потянув за собой грунт.

Я задержал стопу перед светлым сколом. В первой жизни такие места искали, чтобы выбраться. Виктор нашёл, чтобы меня отправить вниз. Теперь очередь за мной.

— Дорога держит, — я прижал древко к целому уступу левой пяткой, оставив вес на другой части кромки. Цепь уже лежала свободным концом у левого бедра.

Виктор подошёл ещё на полшага. Теперь его лицо было так близко, что я различал пыль в складках у глаз. Он смотрел под мои ботинки, потом на плечо, откуда собирался подтолкнуть. Улыбка оставалась на месте. Я дал ему увидеть, что всё ещё слушаю пику, и оставил цепь вне его взгляда.

— Шаг делай уверенней, эксперт, — он положил ладонь мне на плечо со стороны пропасти. — Трещина широкая. Не дай бог споткнёшься.

Висок дёрнуло от толчка в древке. Я узнавал этот короткий удар уже без счёта: механизм пошёл на залп. Снять цепь раньше нельзя — Виктор увидит. Ещё миг стоять прямо нельзя тоже; его ладонь уже лежала на плече.

— Ложись! — Я присел, опуская голову ниже его ладони, и перенёс вес к целому уступу.

Я ушёл влево и вниз, на целое ребро уступа. Виктор толкнул в плечо, но встретил пустое место: я уже был ниже его ладони. Он перенёс вес следом. Носком правого ботинка я выбил надрубленный язычок породы, не ставя на него стопу. Камень ухнул в темноту, увлекая за собой крошку кромки. Именно туда Виктор требовал от меня уверенного шага.

Краем глаза поймал его сапог: скользнул вслед за крошкой в открывшуюся яму. Виктор ещё пытался дотолкнуть меня, но сам уже качнулся вперёд. Его ладонь соскользнула с моего плеча; обе руки он вскинул, пытаясь удержаться. Вот этого и ждал — теперь свободный конец цепи он не увидит, пока пытается снова нащупать подошвой камень.

Над спиной просвистело, по плечам сыпануло горячей пылью. Голову я не поднял: первые стрелы прошли через то место, где Виктор секунду назад держал меня за плечо. Сейчас хотел бы увидеть его лицо, но не ценой собственного затылка. Дождусь перезарядки, тогда займусь им вплотную.

Пика дрогнула ещё дважды, передавая скрип возврата стрелковых колодок. Перезарядка. Три секунды. Я уже освоил левую.

Я подался к нему из приседа, пока он ловил руками воздух. Левой снял свободный конец цепи с пояса и перекинул через его плечо. Петля прошла под подбородком и за жёстким воротом панциря. Свободный конец продел в звено. Металл лёг к горлу сквозь ткань куртки; броневой ворот принял часть натяжения.

Виктор захрипел. Его пальцы вцепились в цепь, пытаясь снять её. Я перекатился на бок, к целому грунту, завёл цепь за древко пики и выбрал слабинку левой. Правая оставалась на груди. Над пропастью повис Виктор. Я лежал на безопасном уступе, упираясь пяткой в длинное плечо древка. Короткий конец удерживал цепь у кромки; стержень над остриём упирался в ребро каменной щели. Ему хватало хода повернуться на несколько градусов. Вес принимали камень и сталь, а не моя сломанная рука.

— Держи его! — Пётя прижал свой щит к камню на нашем берегу, оставив под ним обзор на меня. Голос дрожал. Остальные мыши опустили щиты рядом и приготовились к моему сигналу.

Я надавил пяткой на длинный конец пики. Короткий приподнял цепь, подтянув Виктора грудью к кромке. В первой жизни я десятки раз выбирал так груз из провала. Этот груз бился, как рыба на крючке, зато у него был дорогой панцирь, усиленный мана-пластинами. Я сдвинул пятку к его плечу, повернул броню спиной к источнику свиста. Сам остался ниже, за его торсом.

Второй залп пришёл с фланга. Слева. Оттуда, где по карте Реестра не должно быть ни одного гнезда. Там была глухая скальная стена, считавшаяся безопасной зоной. Но именно оттуда в спину Виктора ударили три стрелы. Одна застряла в наплечнике, две другие срикошетили от пластин и расправили куртку у стыков, оставив кровавые полосы на коже.

Виктор завыл и рванул обеими руками цепь. Его панцирь повернулся, из-за края я увидел стрелков. Ещё чуть в сторону — следующий залп получу грудью. Я упёр пятку крепче, удерживая древко, и дождался конца этого рывка, чтобы вырвать слабинку.

— Стоять! — Я выбрал ещё звено левой, откатился от кромки и подтянул древко пяткой. Его панцирь вернулся между мной и стрелками. Подбородок Виктора ударился о мой лоб. Глаза заслезились; цепь я оставил натянутой за пикой.

Третий залп. Ещё один. И ещё.

Стрелы били по панцирю ведущего элиты. По тому, кто только что хотел отправить меня в ад. Я использовал его как живой щит, и это работало. Каждый удар в его спину глушил опасность для моей. Но я слушал не только боль Виктора. Я слушал эфир.

Пика оставалась рычагом у моего ботинка, остриём в породе. Её дрожь я чувствовал ногой; команды слышал в наушнике терминала. Три секунды паузы. Выстрел. Две секунды. Выстрел. Этот ритм не совпадал с командными сигналами

«Авроры», которые я слышал в наушниках раньше. У Виктора не было пульта управления стрелками. Он сам был в шоке, он орал в микрофон на своём запястье: «Прекратить огонь! Прекратить!» Но стрелки продолжали.

Виктор снова потребовал прекратить огонь, а механизм опять щёлкнул на выстрел. Я уже не ждал, что его команда нас прикроет. Стрелков вёл другой человек — нужно успеть услышать его среди этого крика.

Кто-то третий наводил эти залпы. Приказ Виктора убить меня и чужая наводка совпали по времени, но не по источнику. Кто-то знал, что я буду здесь. Кто-то знал, что будет засада. И этот кто-то использовал Викторovu попытку убийства как прикрытие для собственного выстрела.

Я считал паузы между выстрелами, хотя собственное дыхание давно сбилось. Виктор ещё дёргался; под каждый его рывок приходилось поправлять опору ногой, чтобы не отдать стрелкам свою грудь. Левая ладонь горела от звеньев, но основные рывки приходились на древко. Правую держал у груди и не помогал ей даже тогда, когда хотелось. Я видел, как из-за камней слева начинают появляться силуэты других рейдеров «Авроры». Они тоже поняли, что происходит. Один из них, офицер в белом плаще, поднял бинокль.

— Гредин! — Я поднял подбородок над краем панциря, на миг показавшись офицеру. — Командир рейда! Посмотри сюда!

Гредин остановил бинокль на нас. Я торчал в грязной спе-

цовке за панцирем его командира, у меня в левой цепь, под пяткой рычаг. Долго разбирать, кто кого здесь держит, ему не придётся. Хотел, чтобы он увидел ещё и залп, а не только цепь у горла Виктора; всё равно оставаться в этом положении ради свидетеля нельзя.

Я использовал этот момент замешательства. Упёрся пяткой в древко и отодвинул корпус от кромки, выбирая оставшуюся цепь. Рычаг подтянул Виктора грудью на уступ. Он был тяжёлым, полным мышц и брони; его броня теперь работала щитом, а пика — рычагом. Когда его таз оказался на камне, я отцепил цепь от пики, сбросил петлю с воротника и ударил коленом под край панциря. Он сложился, вместо того чтобы снова тянуться ко мне.

Виктор упёр ладонь в камни, попытался поднять грудь — и снова закашлялся. Кровь со слизью попала ему на подбородок. Я держался сбоку, не над самой головой: после такого кашля он ещё вполне может вцепиться мне в ногу. Но выпрямиться пока не сумел. На минуту хватит; дольше рассчитывать на его слабость не стану.

— Серые! — Я поднял левую ладонь над плечом Виктора и махнул вперёд. — Щиты вперёд! Построение «Черепашка»!

Шесть человек из моих людей, те самые, которых элита списывала в расход, бросились вперёд. Пётя первым встал между мной и флангом. Остальные четыре прикрыли тех, кто ещё не успел войти под диски. Они подняли самодельные щиты из автомобильных дисков и сомкнули их в стену.

Следующие залпы ударили в эту живую броню. Грохот. Искры. Но ни одна стрела не прошла.

Пока гремели залпы, я присел над Виктором. Он пытался встать, но ноги его не держали. Пику уложил под левое колено, цепь вернул на пояс. Левой рукой быстро, привычно шарил по его подсумкам. Элита носит всё самое важное при себе. Документы, ключи, деньги.

— Что ты делаешь?! — Виктор ухватился за край жилета, когда моя рука нырнула во внутренний карман.

— Инвентаризация, — я отодвинул его пальцы, вывернул подкладку и вытянул сложенную бумагу.

Рядом нащупал маленький пластиковый конверт. Вытащил и положил на бумагу. Развернул бумагу на его груди, придерживая коленом край. Адрес. Номер ячейки. Название несуществующей фирмы. Конверт содержал половину написанного от руки слова. Кодового слова.

В этот момент огонь прекратился. Стрелки либо кончили боеприпасы, либо получили новый приказ остановиться. Щиты перестали звенеть. Я услышал, как Пётя окликнул крайнего, как тот ответил и как Виктор втянул воздух носом, прежде чем кровь капнула на камень. Левой достал терминатор и снял обе стороны бумаги и конверта. Сначала проверил снимки, потом встал.

Офицер Гредин подошёл ближе. Его лицо было каменным, но глаза метались между мной, Виктором и щитами моих людей.

— Объяснитесь, — Гредин перегородил мне проход ладонью на уровне груди. Голос был официальным, холодным. — Почему вы напали на командира группы?

Я поднял голову. Пика стояла у моей ноги, край древка прижат ботинком. Правая оставалась в фиксаторе. Левой я протянул бумагу с конвертом офицеру. Копии лежали в терминале.

— Он пытался меня убить, — я повернулся к колонне, чтобы голос достался и дорогим панцирям, и моим щитам. — Толкнул в трещину. Я защитился. Те стрелы, что пробили его куртку, летели не по его команде. Проверьте частоту наводчиков. Кто отдавал приказ стрелять в спину своему лидеру?

Гредин прочёл адрес и остановился, не листая дальше. Я смотрел на его палец у строки. Что-то там узнал — почерк или сам склад; пока не скажет, не пойму. Зато теперь не требовал, чтобы я убрал бумагу и перестал трогать командира.

— Это подлог, — выдавил Виктор, пытаясь сесть. — Он обыскивает меня незаконно!

— Незаконно, но эффективно, — я показал на конверт, который Гредин всё ещё держал над бумагой. — У тебя в кармане склад наводчиков. Адрес, которого нет на маршруте нашего рейда. И половина пароля, которым подписаны заказы на «случайные потери» в наших рейдах.

Гредин посмотрел на Виктора. Потом на бумагу. Потом на меня. В его взгляде мелькнуло что-то новое. Он прочёл

адрес ещё раз и повернул лист так, чтобы Виктор видел, какая строка его остановила.

— Задержать его, — Гредин махнул двум своим охранникам к Виктору и отступил, освобождая им место. — Изъять все личные вещи. Полный досмотр.

Охранники заломили Виктору руки. Я отошёл от его ботинок, не спешил поворачиваться спиной. Он дышал тяжело и всё смотрел на меня; хотелось услышать ещё хоть одну угрозу при Гредине, но Виктор больше не говорил. Я успел сохранить в терминале последние секунды общего канала. Там, под криком Виктора, перед тишиной прошёл чужой цифровой сигнал. Отметка времени совпала с последним залпом. Открыл короткую запись, увидел распознанную последовательность.

Распознанную последовательность я прочитал по знакам, возвращаясь к началу. Код, не ещё одна голосовая команда. На снимке конверта была та же половина слова. Хотелось сразу ткнуть экран Гредину под нос, но сперва сверю целиком: за одну ошибочную букву он ухватится охотнее, чем за чужую наводку.

Я поставил снимок конверта рядом с распознанным кодом. Половина слова совпала. Виктор оставался в руках охраны, а чужой голос с канала ещё предстояло найти. Наводчики работали не только внутри разлома: адрес выводил наружу, к складу. Я сохранил обе записи вместе, пока не пришлось идти дальше.

Колонна двинулась дальше, минуя зону обстрела. Мои «серые» несли щиты, прикрывая фланги. Охранники вели Виктора в цепях, как пленного главаря банды. Я шёл последним, с пикой на перевязи. Рука в фиксаторе пульсировала тупой болью, напоминая, что тело ещё долго будет отставать от памяти В-ранга и новой нагрузки D. Все десять мышей шли со мной. Виктора вели отдельно, на чужой цепи; свою я оставил на поясе. На привале перед выходом переслал снимки в чат группы. Катя открыла, проверила, что читаются адрес и дата. Пётя ткнул в экран, сохраняя себе. Теперь бумаги могли унести с любой печатью — прочитанное у нас уже не заберут.

Перед самым выходом снова увеличил снимки: строка адреса читается, номер ячейки тоже, край конверта не съехал за кадр. Половины пароля пока мало, чтобы просто открыть склад, но теперь хотя бы знаю, какую вторую искать. Виктор уже не мог убрать бумагу обратно в карман. Оставалось не дать ему предупредить тех, кому он собирался её передать. Про этот склад память мне всего не расскажет — придётся идти с тем, что сумел у него вынуть.

Глава 44

Когда Виктора привели на четвёртый этаж, второй стакан чая уже остыл у меня в руке. Поставил стакан, следил, как Виктор доходит до стула. Подбородок держал высоко, возле сиденья задержался от боли в плече. Галстук ослаблен, дорогой костюм висит мешком. У трещины в таком ещё командовал; здесь надо подождать, пока сядет, и спросить при Гредине. Хотелось начать сразу с его ладони на моём плече. Начну с бумаг: их не перекричит рассказом об уставшем командире после трудного рейда.

— Садись, Дима, — Гредин носком выдвинул стул. Я смотрел на его стол, пока устраивался: он поднял папку, под нею вторая, с печатью гильдейского юриста. Опять накрыл первой. Пальцы ещё барабанили по обложке, а голос держал ровным. Этот офицер видел меня под залпами за Викторовым панцирем; сейчас пусть показывает, что положил поверх этого разговора юрист.

Сел так, чтобы видеть его руки на столе. В первой линии эти руки подписали отправку меня и ещё сотни людей; Виктору после неё досталось время жить спокойно. Старался не смотреть на собственный фиксатор. Если начну с того, что он сделал со мной, уйдём в спор о моём превышении, а мне нужны его бумаги и те, кто за ними стоит.

Виктор усмехнулся. Криво, одними губами.

— Ты думал, это изменит что-то? — Виктор откинулся на спинку, но раненое плечо заставило его сразу податься вперёд. — Гильдия всегда будет выше одного новичка. Даже если ты эксперт. Даже если у тебя есть бумажки из Реестра.

Гредин выдохнул, прежде чем взять тонкую папку. Я посмотрел на её корешок: после рейда показаний и фотографий хватало на большее. Здесь мне явно собирались зачитать не то, что видели у трещины, а то, что оставили юристы. Дождусь, пока раскроет; вырывать у него листы сейчас только Виктору на пользу.

— Юрист «Авроры» уже оформил это как превышение сопровождения. — Гредин раскрыл верхнюю папку и повернул лист ко мне. — Протокол рейда закрыт. Твои действия квалифицированы как самовольная изоляция ведущего отряда в условиях нестабильного горизонта. Виктор под домашним арестом. Ты... можешь идти. Дело закрыто.

Я не сразу ответил. Посмотрел на раскрытый лист, потом на Гредина: вот этим предлагается закончить выход из «Обжарки»? Офицер отвёл глаза. Терминал со снимками я оставил перед собой, не убирая ради его закрытой папки.

— Вы же видели, как он толкнул меня в трещину. — Я оставил левый палец на снимке его подсумка, открытом в терминале. — Вы слышали его команду прекратить огонь. У вас в руках его подсумок. Адрес склада. Расписка на половину кодового слова. Это не «превышение». Это заказное убийство своего же эксперта.

— Дима, — Гредин захлопнул папку, отодвигая её от своего терминала. Голос стал жестче. — Элита «Авроры» отказывается свидетельствовать против Виктора. Они сказали слово в слово: «профессиональная непригодность сопровождающего вызвала панику». Бумага юриста уже в системе. Если ты подашь протест через канал Реестра, гильдия объявит тебя нарушителем корпоративного устава. Тебя вычистят из всех баз.

«Вычистят.» В первой линии меня просто убивали молча, когда я начинал задавать вопросы. Теперь меня будут увольнять красиво, с подписями и печатями.

Я поднялся. Медленно. Левая рука привычно легла на ремень пики, стоявшей у стула. В кабинете таскать три секции за спиной было неудобно; я прислонил их к стене ещё перед чаем.

— Мне нужно пять минут с ним. — Я оставил терминал перед собой экраном вниз, а левой указал на стул Виктора. — Один на один. Без протокола.

Гредин помедлил. Посмотрел на дверь, за которой стояли двое бойцов внутренней безопасности. Потом на меня. И кивнул.

— Пять минут. Кабинет не запирается. — Гредин придержал дверь, пока охранник убрал с порога ногу.

Гредин вышел. Дверь щёлкнула за его спиной. Виктор положил руки на стол и посмотрел на меня без прежней усмешки. У глаз собрались морщины; когда-то я почти не замечал

их за командирским выражением. Теперь Гредина в комнате не было, и Виктору пришлось ждать, с чего я начну.

— Ну что, эксперт, — Виктор сгреб ладонями край стола, подтягиваясь ближе. — Пришел полюбоваться на падение короля?

Я придвинул стул ближе к Виктору. Не торопясь. Поднял его и развернул спинкой вперёд, сел верхом, опёрся здоровым локтем о деревянную перекладину. Правую оставил на перевязи, за спинкой стула: до неё он теперь не дотянется.

— Я знаю, где живет твоя дочь, Виктор, — я наклонился над перекладиной, сократив расстояние до его лица.

Виктор дёрнулся, сжал кулаки на столе. Я локоть с перекладины не убрал. На дочь уже ответил всем телом; теперь жду его слов, не помогу перевести разговор в угрозу мне. Правую за стулом он не достанет, а левой я могу удержать расстояние до его рук.

— Чего ты хочешь? Деньги? Я заплачу. — Он потянулся к карману и остановился: телефон изъяли вместе с вещами.

— У неё проблемы с сердцем, да? — Я провёл пальцем по перекладине, пока он следил за моей рукой, как за листом с ценой. — Нужна операция в швейцарской клинике. Тридцать миллионов рублей. Ипотека на твою квартиру уже просрочена на полгода. Твоя жена работает медсестрой в районной больнице, потому что зарплата в гильдии не шла три месяца подряд. Разве нет?

На тридцати миллионах Виктор перестал шевелить губа-

ми. Смотрел на меня, побелел; я оставил ладонь открытой на перекладине, за деньгами не потянулся. Пусть видит, что о сумме знаю, но торговаться сейчас не буду. Он хотел заплатить за конец разговора. Я пришёл услышать, зачем за мой конец платил кто-то другой.

— Откуда ты... — Виктор перестал тянуться к пустому карману и положил ладонь на стол.

— Оттуда. Из мест, куда ты никогда непустишь свою семью. — Я указал на край перевязки, видимый за стулом. — Я не хочу денег. Мне нужен твой мотив. Зачем ты толкал меня в трещину? Ты мог просто убрать меня бумагами, как делал раньше. Но ты выбрал грязь и огонь. Почему?

В первой жизни Виктор ту же сумму называл так, что слушатели сбрасывались на помощь. Сейчас до кармана мне тянуться незачем, его телефон вообще у охраны. Подождал, пока отведёт взгляд от моей ладони: не за переводом сюда сел. Операцию дочери он может объяснять сколько угодно, а толчок в трещину объяснит мне сам.

Виктор опустил глаза к запястьям, я тоже посмотрел на часы. Дорогие; рядом мозоли, кольца из тех, что покупают со скидкой. После названной суммы хотелось прикинуть, сколько выручит за то, что уже носит. Не стал считать за него вслух. Часы Виктор не продал. Вместо этого отправлял других к трещине, а сегодня толкнул туда меня. Жду ответа именно об этом выборе.

— Разломы беднеют, Дима, — Виктор положил запястья

на край стола. Часы царапнули дерево, он машинально отвёл их. Голос сорвался. Хриплый, сдавленный шепот. — Ты не видишь этого, потому что играешь в героя. А я вижу цифры. Ресурс падает. Ядра становятся меньше. Рейды доходнее сдавать, чем чистить. Если мы не будем контролировать процесс, мы потеряем всё. Все деньги, все связи, все контракты. «Аврора» станет ничем.

Он умолк, стиснув губы, и я сперва решил, что на этом закончит объяснение. Потом на галстук упала капля, ещё одна. Виктор удерживал голос, но плечи уже подрагивали. Мне стало не по себе: настоящий страх у него всё-таки был, не только удобная речь для следствия. Тем хуже — значит, прекрасно понимал, что делает, когда подписывал чужие потери. Виктор вытер щёку ребром ладони, тут же посмотрел на оставшееся мокрое пятно и спрятал его под стол. Дочь, ипотека, страх нищеты. Приказы подписывал он. Плакали потом те, кому он их выписывал.

— Мы покупаем семьям будущее чужими жизнями, — Виктор поднял мокрую ладонь ко мне, будто просил взвесить её вместе со всеми погибшими. — Я отдавал приказ на «случайную гибель» новичков и плакал дома, потому что знал: иначе моя девочка умрет на операционном столе. Ты бы поступил иначе? Скажи мне честно. Ты бы позволил ей умереть ради совести?

Меня замутило. Я посмотрел на его часы, потом на вытертую щёку. Очень дорогие часы. Он предлагал мне выбрать

между его дочерью и моей совестью. Семьи убитых в эту задачку не помещались. Даже места на столе им не оставил: всё занял своими мокрыми ладонями.

Я встал. Стул скрипнул ножками по ламинату.

— Нет, — я отодвинул стул коленом. — Я бы не позволил. И начал бы с продажи часов, а не чужих детей.

Виктор поднял голову, красный, опухший, жалкий.

— Тогда ты останешься здесь. А я буду жить. — Он прижал часы другой ладонью и встретил мой взгляд.

— Ты будешь жить с этим чувством каждый день, — я придержал стул за перекладину, не давая ему заслонить мне Виктора. — И знай: то, что ты сейчас сказал, ничего не доказывает для Совета. Для них это только твоё личное мнение. А для меня это подтверждение того, что сеть шире тебя. Кто третий в эфире? Кто давал наводку стрелкам?

Виктор закрыл лицо руками. Его плечи затряслись сильнее. Ответа так и не получил. Виктор спрятал лицо, а я стоял у стула и ждал хоть имени. Его «Аврора станет ничем» ещё звучало в голове. Свои приказы убивать новичков он объяснял чужими цифрами и общим страхом; про чужой голос не сказал ни слова. Исполнителя я прижал, но кто распоряжался наводчиками над ним — через одну эту исповедь не узнаю.

Гредин вернулся через пять минут и сел за стол. Я открыл дверь в коридор. Пётя поднялся с лавки, за ним остальные.

— Всех, — я удержал дверь левой, пока охранник смот-

рел на Гредина. — У них есть что сказать. По одному потом забудете спросить.

Гредин не велел охране закрыть проход. Кабинет снова наполнился шумом. Теперь там стояли живые люди, которых только что называли причиной паники. Мои люди.

Петя вошёл первым, колпачок от фляги ходил в пальцах. Я чуть отступил от прохода, пропустил остальных девяти-рых. Зажигалку держал у себя в кармане; новую он за эти дни не завёл, руки всё равно искали привычное. В кабинете стало тесно. Десять людей вышли из лавовых полей и дошли сюда сами, не списком от моего имени. Проверил последние шаги у порога, встретился с Катей взглядом. Теперь Гредин будет слушать их при мне, не закроет их выход словом «паника».

Гредин побледнел, поднялся со стула настолько, чтобы увидеть тех, кто остался у двери. Я повернулся к Пете, оставил остальных у него за плечом на виду у Гредина. Один мой протест он уже предложил закончить. Десять отдельных рассказов потребуют десяти ответов, а снимки каждый сохранил ещё до выхода из разлома.

— Что это значит, Пырьев? — Гредин приподнялся из-за стола, заглядывая поверх щитов, которые мыши прислонили к стене.

— Это значит, — я вышел из-за стула и встал рядом с Петей, обращая голос и к столу, и к охранникам за дверью, — что если вы попытаетесь закрыть дело Виктора как «превышение», эти люди не уйдут отсюда. Они пойдут в Реестр. По

моему каналу эксперта. У каждого из них есть копия моих снимков и свой рассказ о рейде. Доступ к архивам есть у меня. Десять отдельных свидетельств отправлю по своему экспертному каналу прежде, чем вы соберёте ещё один общий ответ. Я не прошу справедливости для себя. Я требую места за столом, где решают судьбы низких рангов.

Гредин рассмеялся. Сухо, нервно. Попытался закрыть папку, но Пётя поставил ладонь на край стола, возле неё. Гредин убрал руку.

— Совет низких рангов не принимает решений. Там сидят представители профсоюзов и ветераны. Туда не пускают тех, кто еще вчера был расходником.

— Меня пускают, — я открыл в терминале адресата Гошу Штерного и повернул экран к офицеру. — Потому что я могу говорить от их имени. И потому что я могу отправить этот отчет Гоше Штерному прямо сейчас. Знаете, что он сделает с тем, что «Аврора» сдает разломы ради бюджета? Он раздует это до масштаба государственной проверки. Ваша гильдия рухнет не изнутри. Её раздавят снаружи.

Петя щёлкнул колпачком о край стола. Катя закрыла дверь за последним из наших и осталась возле неё. Уходить без ответа они не собирались. Я оставил экран с адресатом открытым. Внизу стоял прикреплённый файл, над ним — пустое поле отправки.

Гредин вызвал юриста из коридора. Тот вошёл, увидел людей у стены и мой открытый терминал. Потянулся к папке,

остановился на полпути. Они переглянулись. За дверью ещё стояла охрана, но выводить десять свидетелей на глазах друг у друга никому не хотелось.

— Личный кабинет, — Гредин вытащил из нижнего ящика бланк допуска и положил поверх закрытого протокола. — Один голос в совете. Без права вето. Без права доступа к секретным проектам. Только право слушать и высказываться.

— Право говорить, — я положил палец на поле полномочий, удержав бланк перед его ручкой.

— Право говорить, — офицер вписал формулировку, подписал и махнул рукой юристу. — Временный пропуск сейчас. Постоянный оформят завтра. А теперь разойдитесь.

Я дождался временного. Катя сверила фамилию и полномочия, потом протянула мне. Один голос. До этого рейда у моих мышей не было ни одного.

Люди двинулись к выходу. Петя прошел мимо меня и негромко произнес:

— Красиво сыграл, командир. Как фокусник.

Я улыбнулся и повернул к Пете временный допуск. Он прочёл нижнюю строку, перестал вертеть колпачок.

— Кролик останется у меня, — я убрал допуск рядом с терминалом. — Им хватит счёта за фокус.

Пётя толкнул меня здоровым плечом и вышел. Мыши уносили щиты уже вместе с правом, которое утром им не собирались выдавать.

Катя пришла через час. Не в кабинет, а в общий холл на

первом этаже. Она остановилась передо мной, держа планшет обеими руками. Хотела сразу заговорить, но сперва оглянулась к лифтам. Я придвинулся ближе: по тому, как она берегла экран от чужих глаз, понял — нашла что-то важное и теперь сама боится показать это посреди холла. Она прижала планшет к груди, сверилась с глазами охранника у лифтов и дождалась, пока он отвернётся. После медкарты Марата уже умела выбрать момент.

— Я нашла вторую половину, — Катя перехватила планшет поудобнее и придержала мой рукав, не давая пройти к лестнице.

Я взял её за руку, увел в угол, где шум лифтов заглушал разговор.

— Где? — Я придвинул её планшет между нами, закрыв экран от холла плечом.

— В заявке на аренду склада тары. — Катя открыла сохранённый документ. — Тот самый адрес, что был в вещах Виктора. Оказывается, подпольный ломбард наводчиков маскируется под обычное хранение мусорных баков и строительных поддонов. Заявка оформлена на фирму-однодневку, но код доступа... — Она увеличила нижнюю строку. Экран показывал документ с печатью гильдии.

Я прочел последнюю строку. Слово состояло из двух частей. Первая половина всплыла из кармана Виктора. Вторая — из базы данных Реестра.

— «Зерно-7», — я указал пальцем на первую часть слова,

сверяя её со снимком Викторова конверта.

Катя кивнула.

— Это ключ к частоте наводчиков. — Катя поставила рядом две строки, из заявки и из моей записи эфира. — Если мы найдем владельца этой заявки, мы найдем третьего в эфире.

— Мы не будем ждать ответа по владельцу, — я сохранил документ себе и выключил свой экран. — Мы пойдем по адресу. До того, как они заметят пропажу бумаги. Окно — сутки.

Катя спрятала планшет в сумку.

— Ты собираешься туда один? — Катя ухватила меня за левый рукав, удержав у лифтов.

— Не один. С теми, кто умеет держать строй. — Я мягко снял её пальцы с рукава и показал на дверь, за которой ещё собирались наши. — И с тобой. Мне нужны глаза в канцелярии. Чтобы знать, кого они ждут.

Она помедлила секунду. Потом улыбнулась. Коротко, резко.

— Я научусь врать бухгалтерским языком, — Катя застегнула сумку и отняла у меня пустую папку, освобождая левую. — Чтобы никто не заподозрил, что мы там были.

Я проводил взглядом папку, которую она у меня забрала. За вечер столько раз предлагали уйти, замолчать или принять готовую бумагу, что от её бухгалтерского языка захотелось рассмеяться. Катя уже выбирала, как попасть внутрь и

выйти незамеченными. Именно этого мне сейчас и не хватало.

К полуподвалу «Авроры» спустился, придерживая фиксатор левой на последней ступеньке. После четвёртого этажа бетон и пыль не впечатляли. На столе зато лежала табличка с фамилией. Поднял левой, прочёл целиком, поставил передним краем к двери. Один голос, без вето и секретных проектов — это написано в допуске, я проверил. С этим голосом мышей уже не смогут просто отправить за дверь, пока объясняют, почему их не включили в состав. Пока место маленькое, но моё имя на нём видно тому, кто входит.

На стуле устроился так, чтобы правая не тянула плечо вниз. После рейда врач проверил кости, наружную перевязку сменил, жёсткую пластину с Катиным «1/12» оставил. Переломы ещё здесь; весь курс адаптации — восемьдесят четыре дня. Полученный кабинет не отменяет ни одного дня из назначенного курса.левой придвинул терминал: сегодня заработал право спрашивать, теперь воспользуюсь, пока кто-нибудь не успел предупредить склад.

Открыв терминал Кима с доступом к закрытой базе Рёстра, я набрал кодовое слово. Система начала поиск.

Экран замер на несколько секунд. Потом выдал результат.

Открылась старая заявка на аренду. В поле владельца фирмы-прокладки значилось имя прежнего арендатора. Я посмотрел на дату: заявку уже перенесли в архив. Тот же адрес, другой срок.

«ИП Лахтин С.Е.»

Прочитал имя, вернулся к дате, потом снова к имени. Лахтин. Я задержал палец рядом со строкой, чтобы не открыть следом какую-нибудь другую заявку: эту фамилию сначала нужно проверить по своим записям.

Я помнил фамилии, которыми тогда прикрывали чужие склады. Среди них Лахтин не встречался. Проверил старые записи в тетради — список оставался тем же. Сегодня у меня появился ещё один арендатор, за которого спрятали настоящее дело. Новый? Или в первой жизни я просто не дошёл до этого ящика?

Я сделал фотографию экрана. Посмотрел на табличку с моим именем. Потом открыл рядом снимок бумаги с адресом. Оригинал остался у Гредина вместе с конвертом. Снимок прочёл и без него. Адрес не поменялся.

— Завтра, до рассвета, — я вывел в тетради время выхода и поставил под ним фамилию Лахтина.

Я вписал рядом: «Прежний арендатор. Проверить нынешнего». За окном хлопнула дверь служебной машины. Возможно, Виктора уже везли домой — ждать его удобного ареста. Я закрыл тетрадь, убрал временный допуск в карман и сохранил страницу заявки вместе со снимками.

Склад должен ещё думать, что Виктор молчит. Адрес у меня. Полный ключ у меня. Кто сейчас распоряжался складом под чужой фамилией — пока не знал.

Глава 45

Распечатку кармана Виктора разгладил на полу левой. Бинт зацепился за куртку, освободил край, снова придавил угол снимка. Вещи после ареста у Гредина; у меня только фотографии. На них и искал, куда идти после «Обжарки». Виктор уже говорил про ипотеку, детей, страх рецессии. Всё помнил, пока смотрел на шов: за этот страх кто-то заплатил ему толкнуть меня в лавовую трещину. Найду не ещё одно оправдание, а дверь склада и оригинал за ней.

Я увеличил внутренний карман его куртки. Фонарик пришлось поставить на пол — левой держал телефон, правая всё ещё болела под ортопедическим фиксатором, тяжёлым, пластиковым, ненавистным. На снимке ткань была истёрта до ниток. Там, где обычно лежат ключи или зажигалка, зашили плотную бумагу. Гредин при досмотре распорол шов и снял её с обеих сторон. Адрес склада тары на окраине промзоны, корявым почерком человека, который привык диктовать приказы, а не писать квитанции. Тот же адрес, который мы с Катей связали с заявкой.

Оборотную фотографию подвёл к свету. Под тканью штамп почти стёрся; увеличил, прочёл по буквам: Л-КБ. Синеватый оттиск рядом с обрывком чека. Дату проверил отдельно, вчерашняя. Под ней круглая сумма, слишком большая для бутылочного ящика. Придётся узнать, что хранили

за такую плату, не принять вывеску за содержимое.

Л-КБ переписал в тетрадь. Ломбард, кредитное бюро, камера хранения — пока три варианта. Оставил место для ответа, положил запись рядом с временным пропуском в совет. Часы показали три ночи. В базу можно войти сейчас, только каждый запрос останется в логге. С адресом ещё не закончил; звать Штерного следом за собой случайными кликами не хочу. Проверю один конкретный склад, затем решу, что спрашивать дальше.

К утру снимки уже разложил возле терминала. За окном гудели грузовики, а я печатал адрес левой, прижав фиксатор к животу. В защищённой сети Реестра нашёл склад вторсырья: владелица Мила Ганичева. Лахтин остался в архиве прежним арендатором, его строку после смены не убрали. Проверил претензии: бюджетных нет, налоговые задолженности погашены. Сигнализация у независимого подрядчика, не в гильдейской сети. Палец оставил над этой строкой. Допуском дверь не открою, а лишний запрос уже останется в логге. Сначала пойду посмотреть, кого Ганичева впускает сама.

Я оделся просто: джинсы, тёмная куртка, кепка козырьком вниз. Пика осталась дома: разобранная на три секции и спрятанная в тайнике под полом — тащить её в гражданский район было бы верхом идиотизма. Усилитель слуха висел на шее, скрытый под воротником. Слух работал лучше глаз.

До промзоны добрался на маршrutке. Вышел у забора из

рифлёного железа. Дом стоял на углу двух пустырей. Двухэтажная кирпичная коробка с вывеской «Приём вторичного сырья». Над входом — камера наблюдения, объектив которой смотрел прямо на меня. В объективе отражалось небо; что именно получится на записи, мне никто не показал. Я знал это правило рынка: если ты не хочешь светить лицо, ты должен стать частью толпы. Или шумом.

Вдоль фасада пошёл вместе с молодчиками в ярких куртках. Ругались, пинали пустые банки; я опустил козырёк, смотрел в телефон, как один из их компании. У камеры голову не поднял. На записи останусь рядом с ними, не пропаду от такой уловки совсем. Поэтому кофейню выбрал напротив: оттуда посмотрю вход без второго прохода под объективом.

Через улицу дошёл до кофейни напротив. Пластиковые стулья, горелое зерно; парень с пирсингом поднял глаза, задержал стакан под струёй. Я смотрел на воду: меня узнал с ролика про Марата. Кепкой от этого взгляда уже не спрячешься. Деньги положу на видное место, пусть разговор начнётся с кофе, не со съёмки моего лица на телефон.

— Ты... тот самый? — Бариста убрал стакан из-под струи, наклонился ко мне, оглядываясь на других клиентов. — Из новостей. Инструктор сам сдох, да?

— Он упал. — Я поставил деньги у кофемашины. — Гравитация вещь упрямая. Кофе сделаешь?

— Да, я... слушай, там говорят, ты теперь главный у низких рангов? Тебе правда можно всё? — Он потянулся за

чашкой, но завис над стопкой, дожидаясь ответа.

Я усмехнулся, придвинул уже лежавшую купюру ближе к кассе.

— Можно то, за что платят наличными. Кофе с молоком, без сахара. И не снимай меня на телефон, сторис с моим лицом привлекает налоговую.

Бариста отвернулся к машине, я сел у окна. Дверь склада видна без поворота головы. Рука под фиксатором зудела; левую завёл под край куртки, отвёл ткань от пластика. Фиксацию не трогал. Начну чесать при всех — покажу, как скован. Переждал с ладонью у груди, затем положил её на стол. Клиентов считать удобнее, когда не нужно каждую минуту поправлять рукав.

Через час уже мог отличить клиента от прохожего. В дверь не тащили холодильники, приносили лотки с флешками, схемами, кусками кожи с чертежами. Смотрел, как приёмщик возвращает пустой лоток: значит, принимают то, что на нём лежало. Ломбард наводчиков. Схемы разломов, точки прорыва, маршруты патрулей — вот за чем приходят сюда с деньгами. Мне надо попасть в тот же круг, иначе оригинал так и останется за внутренней дверью.

Я вышел из кофейни и направился к входу. Нужно было проверить реакцию приёмщика. Легенда была проста: я хочу сдать товар. В кармане лежала ампула со старым остатком стимулятора — половина, оставшаяся после предыдущего приёма. Ни в «Обжарке», ни по дороге она не потрати-

лась. Препарат Железки перед «Подземкой» давно кончился; эту ампулу я с ним не смешивал. Здесь мне нужно было получить первый вопрос приёмщика, а не отдать резерв за любую цену.

Приёмщик в толстых очках посмотрел на меня, на фиксатор, снова на стойку. Про руку не спросил, уже хорошо. У пустого лотка достал ампулу левой. Из-за внутренней двери пахло плесенью и озоном; туда меня не зовут. Пока узнаю правило за стойкой, не полезу искать проход без рекомендации.

— Что принесли? — Приёмщик сдвинул пустой лоток ко мне и положил пальцы на край.

— Стимулятор. — Я положил полупустую ампулу на стойку. — Остаток дозы. Рабочий. Берёте?

Приёмщик поднял ампулу к фонарику. Я следил за половиной жидкости, ждал, когда вернёт: резерв не подарю даже ради разговора. Положил обратно, потянулся убрать лоток. Теперь услышать, чем мой товар не годится этому дому.

— Мы не берём химию, — он убрал лоток со стойки. — Только наводку. Или по рекомендации.

— Рекомендацию? — я оставил ампулу на краю стойки. — От кого?

— От действующих наводчиков. Чужих не пускаем. Правила дома. — Он коснулся кнопки рядом с кассой; за внутренней дверью кто-то посмотрел на нас через стекло.

Ампулу забрал левой, прежде чем спросить что-то ещё. У

прайс-листа задержался: цена в единицах тактической значимости, не в рублях. За С-схему больше годового жалования D-рейдера. До оригинала даже цены нет, только «Венец витрины», обсуждается лично. Вот почему остаток стимулятора ему не нужен. Убрал резерв в карман, запомнил эту категорию: о ней и придётся говорить с хозяйкой, когда получу рекомендацию.

У двери ещё раз посмотрел на приёмщика. Он потянул блокнот к себе. Что записал, мне из прохода уже не видно; потный висок и фиксатор показать успел. На втором визите случайным прохожим не прикинусь. Ампулу убрал глубже в карман, отпустил ручку и вышел, не пытаясь посмотреть через его плечо в записи.

Обойдя дом, задержался за ржавой сеткой у мусорного бака. Грузчики тащили деревянные ящики в фургон; на боках прочёл звезду и щит «Авроры». Пока есть только гильдейская тара, не признание владельца груза. Но бумага из Викторова кармана привела к этому же дому. Теперь сниму маркировку, попробую потом найти накладную, а не уйду с одним рассказом про подозрительную дверь.

Телефон поднял левой из-за бака, сделал три кадра. Козырёк не поднимал, проверил снимки у себя под курткой. Смазались, звезда и щит читаются, номера тоже можно увеличить. По ним искать накладные, не угадывать, что внутри ящика. Ещё снял угол за контейнерами: поддоны у забора, верхний почти достигает поперечной балки. Этим ме-

стом выйду, если на главную дверь рассчитывать уже не придётся.

До вечера ещё дважды прошёл мимо склада: увидел смену приёмщика и передачу поста. Вернувшись домой, я закрыл дверь на все замки. Разложил фотографии на столе. Объект изучен. График смен: приёмщик работает до шести, охрана меняется в восемь. Сигнализация привязана к генератору на крыше. Чёрный ход используется для загрузки крупных партий. Вход свободен только по рекомендации.

Фотографии разложил по порядку: вход, смена, чёрный ход. Один я туда не ворвусь за картой. Даже до ячейки сначала надо пройти проверку, а на меня уже посмотрел приёмщик. Нужен тот, чью метку и рекомендацию здесь принимают. Номер есть. Теперь найду человека, который сумеет провести к этому номеру, не объявляя всем у входа, за чем пришёл.

Снимок под ультрафиолетом открыл рядом с обычным. У Гредина номер выступил под «Л-КБ»; увеличил оба, сверил семёрки. Л-КБ-77. Рядом Катина запись «Зерно-7». Номер места и слово для двери. В тетради оставил их на разных строках, чтобы в тесном коридоре не искать ячейку по паролю. Сначала проверю само слово.

Семьдесят седьмую ячейку обвёл. За хранение топосъёмки «Восьмого участка» Виктор платил именно здесь; назначение платежа перечитал ещё раз. Если оригинал не переложили, нужна эта дверца, не любая дорогая схема на витрине.

Начну с номера и посмотрю, кто распоряжается остальными листами.

Правую в фиксаторе оставил на коленях. На пластине красное «1/12», первая из двенадцати недель адаптации каналов. Кости от цифры быстрее не срослись, врач снимать пластик не разрешал. Лево́й с мозолями от пики перевернул снимок к адресу. Так и работать, одной. Ждать заживления нельзя: пропавшую бумагу могли заметить, а я даже не дошёл до ячейки.

В тетради возле номера оставил место для имени проводника. Картограф должен читать схемы, а не просто знать дверь. Вспомнил разговоры из первой жизни: Толик Резвых, хорошие съёмки, плохие запои после предательства группы. Если всё ещё должен этому месту, его долг можно закрыть. Только сначала надо найти самого Толика, услышать, осталось ли у него право поручительства.

Запись закончил на фамилии Резвых и положил ручку. Левая устала от терминала, но до кузни добраться смогу. Адрес есть, номер тоже. Тихона спрошу осторожно, под правку пики: в его мастерской имя картографа прозвучит естественнее, чем мой вопрос приёмщику, кого он согласен пустить за дверь.

Тихон у наковальни голову не поднял. Я дождался паузы между ударами, поставил чехол на верстак и начал вынимать секции лево́й. Перегретое железо, уголь — в первой жизни столько раз с этим запахом ждал правки своего оружия, что

спокойно мог ждать ещё минуту. Здесь пика моя. После фиксатора хват другой, отдавать её на прежний баланс нельзя. Сначала скажу про левую, потом послушаю, что в мастерской говорят о Резвых.

— Баланс пики, — сказал я, кладя на верстак трёхсекционную пикку. — На короткой сборке центр тяжести уходит назад. Проверь под левый хват. Правую пока не трогаем.

Тихон молча взял палку, повертел, прищурился. Не спросил, откуда у «серого» новичка такая наглость. Просто кивнул одному из своих учеников: — Займись.

У стены с фартуками дождался правки. Молотку не мешал, разговоры слушал через паузы между ударами. В мастерскую приходили и гильдейские с бейджами, и те, кто приносил медные слитки из разломов. Кто-нибудь здесь видел Резвых недавно. Главное, не начать расспрашивать так, чтобы всё помещение запомнило: Пырьев ищет поручителя к складу.

— ...говорят, Резвых совсем запил. В «Трёх фонарях» ночует. — Ученик у двери стряхнул стружку с рукава, потянулся за своим стаканом. — А чего ему делать? Схему его украли, по ней группу положили под завязку. Кто ж теперь к нему за картой пойдёт? — Второй дёрнул застрявший фартук с гвоздя. — Ломбард ему хвост отрезал. Месячный залог не внёс. Теперь он там никто, даже поручителем не может быть. — Первый поставил стакан, придержал товарищу фартук, чтобы не порвал.

На «месячный залог» повернул голову к ученикам, потом снова к верстаку. Резвых и правда связан с нужным ломбардом, только поручительства сейчас нет. Закрыть долг ещё могу, заставить человека провести меня одним знанием фамилии — нет. Значит, в «Трёх фонарях» поговорю сначала о его условии. Тихон вернул пику, дал проверить короткую сборку на ладони. Назад больше не тянуло. Я расплатился за правку, убрал секции в чехол и понёс к бару. За работу Тихон брал деньги сразу; за его разговоры я расплатился тем, что не мешал молотку. «Три фонаря» находились на границе промзоны, в районе старых складов. Название оправдывало себя буквально: три тусклых лампы над входом, мигающие с ритмом умирающего сердца. Внутри было темно, дымно и пахло дешевым табаком и мокрой шерстью. Публика собралась соответствующая — рейдеры среднего звена, те, кто уже не рвался в первые ряды, но ещё не списан в расход окончательно. Они сидели кучками, играли в карты, пили пиво из пластиковых стаканчиков.

Толика нашёл у стойки по бутылке и пустому стакану. Сидел спиной к залу, голова опущена. Лет сорок семь, а морщины и красные глаза делали старше; ладонь на стакане мелко дрожала. Я подождал, нальёт ли сам, но он только держал стекло. Без разговора с ним теперь не уйду. Прежде чем назвать фамилию, решил заказать минералку: мне за этим столом сегодня пить нельзя.

К стойке подошёл левым боком, локоть положил возле пу-

стого места, заказал минералку. Бармен покосился на фиксатор, на чехол за спиной. На его предплечье выцветшая татуировка «Авроры»; спрашивать про неё не стал. Дождался своей бутылки и только тогда повернулся к Толику: влезать сюда с вопросом о долгах через чужое плечо не буду.

— Резвых. — Я поставил минералку на стойку возле его локтя, подвинул бутылку, чтобы не уронил.

На фамилию Толик вздрогнул, повернул ко мне мутные глаза. Меня не знал; я ждал вопроса и не полез объяснять всё сразу. Пусть сперва услышит, что пришли к картографу Резвых, а не к пьянице за стойкой, которому можно заказать ещё стакан и забыть.

— Ты кто? — Он прижал свой стакан к стойке, удерживая дрожащими пальцами.

— Человек, которому нужна карта. И рекомендация. — Я убрал левую ладонь с края стойки, оставил бутылку у него, но не отступил.

Толик скривился. — Рекомендацию дают живым. А я должен ломбарду месячный залог. Меня туда не пускают дальше порога. Даже если ты дьявол, ты пройдёшь мимо меня как мимо мебели.

Он отвернулся и потянулся к бутылке. Я не стал настаивать. Вместо этого я достал купюры — наличные со счёта после независимых продаж трофеев — и положил их на стойку перед барменом.

— Заполните его стакан. И второй. И третий. До утра. —

Я прижал деньги к стойке бутылкой минералки, чтобы бармену пришлось забрать их, прежде чем наливать.

Бармен хмыкнул, посмотрел на деньги, потом на Толика.
— Твой клиент?

— Мой должник, — ответил я и развернулся, направляясь к выходу.

После третьего шага у двери захотелось обернуться. Толик ещё не позвал; деньги остались у бармена, я показал ему возможность выпить до утра и уходил. Не проверяй каждую секунду, купился ли. Пусть сам решит, стоит ли этот оплаченный вечер разговора с человеком, которому нужна его работа.

— Эй! Пацан! — Толик сполз со стула, задел коленом стойку; бутылку поймал бармен.

У двери остановился на его голос, обратно сразу не пошёл. Толик отставил стакан, выбрался между столами. Пусть дойдёт и скажет мне, чего хочет, не окликает из-за бесплатной водки через весь зал. — Ты че это делаешь? Хочешь купить моё время?

— Хочу купить твоё внимание, — сказал я, разворачиваясь.

Толик стоял посреди зала, покачиваясь. Вышибала у выхода сделал шаг навстречу, блокируя проход. — Чужие правила, брат. С оружием не ходят. Сдай пику в шкафчик. Номерок сохрани.

Чехол снял левой, придержал у края шкафчика, выложил

три секции. Закрыл ячейку, номерок сунул отдельно в левый карман: на выходе оружие заберу, не оставляю здесь за разговором. Вышибала освободил проход обратно. По ремню за спиной больше ничего не тянуло, и от этого захотелось проверить ещё раз, заперт ли шкафчик. Проверил взглядом, пошёл за Толиком без пики.

Толик смотрел на меня с ненавистью и надеждой одновременно. — Ты богатый. Зачем тебе пьяный картограф?

— Потому что лучшие карты рисуют те, кто знает, где гибнут люди.

Носком отвёл стул у дальнего столика. Толик не сразу пошёл за мной; оставил место, за рукав не тянул. От стойки в этот разговор перейдёт сам, иначе на поручительство получу ещё один крик, не реквизиты.

Сели друг напротив друга. Минералку придвинул к Толику, подождал, пока поставит водку. Не собираюсь спорить, кто лучше живёт. Нужно услышать условие, показать, что за нужную работу готов платить напрямую, не обещанием почтительного разговора.

— Деньги вперёд, — Толик загородил стаканом место между нами. — Я не буду работать за обещания. Я уже работал. Пообещали безопасность, а группа легла под «Слюной» в первом же тоннеле.

— У тебя есть долг ломбарду? — Я придвинул минералку в сторону, освободив место для его телефона.

Толик замер. Стакан дрогнул в его руке. — Откуда ты зна-

ешь?

— Знаю, что тебя не пустят внутрь. И знаю, что я могу закрыть этот долг прямо сейчас. Но не тебе.

Я достал свой телефон, открыл перевод, оставил поле реквизитов пустым.

— Что значит «не мне»? — голос Толика сорвался на визг. Он вскочил, стул заскрежетал по полу. Несколько посетителей обернулись. — Ты хочешь меня купить? Как вещь? Как... инструмент?

Минералку поднёс ко рту, пока он кричал. Про достоинство, про человека, которого нельзя купить как инструмент. Посетители уже повернулись к нашему столу; я не отвечал громче него. На экране пустые реквизиты, платежа ещё нет. Пока он сам их не назовёт, его долг я не закрою. Это и хотел дать ему договорить, не спорить за право орать.

Когда Толик сел, пустое поле перевода сменил фотографией чёрного хода. Ящики со звездой и щитом, люди у фургона. Экран положил так, чтобы не наклонялся через стакан. Старую историю про украденную схему я слышал; эти ящики стояли у склада сейчас. Пусть маркировку прочтёт сам.

— Это твой груз? — Я приблизил звезду и щит на ящике, остановил пальцы.

Толик задержал взгляд на звезде и щите. К бутылке не тянулся. Телефон придержал от его стакана, не убрал снимок после узнавания. Теперь пусть спросит про груз, не опять про покупку человека. — Откуда у тебя это?

— Это продаётся. Прямо сейчас. Через ломбард. Схема «Восьмого участка», которую ты снимал пять лет назад, лежит там как витрина. А рядом — твои мёртвые ребята. Их имена всплывают каждый раз, когда кто-то покупает доступ к этому горизонту.

Я провёл пальцем от его отражения в экране к значку на ящике.

— Ты снимал, они продают. Я хочу читать твою работу у тебя, а не покупать её у них.

Толик медленно поднял глаза на меня. — Ты хочешь знать, кто их продаёт.

— Я хочу, чтобы ты ввёл меня внутрь. Под свою метку. Я закрою долг, и ты станешь моим поручителем. Формально. Для системы. — Я повернул к нему пустое поле перевода.

— Метка ставится на кожу клиента, — Толик подтянул рукав, показав свой рисунок. — Если тебя раскусят, они срежут метку вместе с кожей. Тебя убьют. Или покалечат так, что ты не сможешь держать пику.

— Если тебя спросят, у тебя будет закрытый залог и клиент. — Я поставил телефон между нами. — Обещать, что поручителя не тронут, не стану. Но я не собираюсь отдавать им ни руку, ни карту.

Толик крутил пустой стакан. Поле перевода я не закрывал. Наконец поднял лицо, усмехнулся; я руку от телефона не убрал — сколько бы ни сказал дальше, деньги ещё здесь. — Меня не выдумывай героем, пацан. Мне не нужны твои

игры в справедливость. У меня дочь. Оля. Ей нужно в Мурманск. Ей нужна операция на сердце. Дорогая. Я пью, потому что боюсь проснуться утром и увидеть, что денег на её билет нет. Ты закроешь мой долг?

— Да. — Я убрал телефон от стакана, чтобы он видел поле суммы. — Назови реквизиты.

— Тогда ты купишь не ключ. Ты купишь мою трусость. И моё желание отправить её к морю. Хоть подальше отсюда. — Толик вытащил из кармана маленький снимок девушки, положил рядом с переводом.

— Договорились. — Сумму сверил с кассой, подтвердил перевод. Квитанцию повернул к Толику, пока он звонил приёмщику. Дождлся вслух: месячный долг закрыт, поручительство восстановлено. Гостевого билета ещё нет. Номер платежа сохранил отдельно, экран первым не закрыл. Толик убрал Олин снимок от мокрого стакана, разгладил край. Со своей водкой так не обращался. Теперь рядом с моей просьбой о карте лежит и его причина идти ко входу.

Из бара вышли в холод. Толик качнулся на пороге, я поддержал дверь, дал переступить самому. После перевода не пришлось вести его к мастеру за рукав. Стакан остался у бармена, квитанция у него перед глазами, и Резвых теперь сам выбирал переулок. Я проверил номерок, прежде чем убрать: пику надо забрать до поездки, не вспоминать о ней у кассы.

— Куда идём? — Я придержал дверь бара левой, пропустил его вперёд.

— К мастеру. Ставить метку. — Толик указал в переулок, потом на свою «Ниву» у края площадки. Из шкафчика пику я уже забрал; он открыл машину, я оставил чехол с секциями на заднем сиденье. Внутри ломбарда пика не пойдёт.

Мы свернули в переулок, где под вывеской «Ремонт обуви» скрывалась дверь в подвал. Мастера наколок звали Серый. Маленький, нервный человек с пальцами, испачканными тушью и реагентом. В комнате пахло спиртом и горячим пластиком.

Серый посмотрел на нас и на мою правую руку в фиксаторе. Я положил левую на край его стола. Он покачал головой. — Без билета не работаю. Правила ломбарда строгие. Поручитель должен предъявить залоговый билет на предъявителя. Или равноценный предмет.

Толик замер. Про второй залог он вспомнил поздно. Месячный долг уже был закрыт: перевод и номер платежа на экране, приёмщик подтвердил. Но под гостевую метку требовался отдельный билет. Серый постучал ногтем по пустому месту рядом с моим локтем.

Я открыл счёт. После двух выплат — бару и кассе — остаток стал меньше, но на вход ещё хватало. Первый трофей давно у Реестра, а залог пики я тоже сюда не принёс. Серому нужен залог, мне нужен пропуск. Я спросил сумму под гостевой билет и провёл ещё один платёж, сохранил квитанцию рядом с первой.

Серый дождался подтверждения кассы, выписал номер

билета. Я положил его на стол. Он наклонился к экрану, посмотрел на сумму. — Это... под гостя Резвых? — Он развернул билет к Толику, придвинул ручку.

— Рабочий залог. Берёте? — Я придержал бумагу левой, пока Толик расписывался.

Серый колебался секунду. Потом убрал билет в ящик, номер перенёс на свою карточку и повернулся ко мне. — Руку. — Он расстелил одноразовую салфетку, указал на её середину.

Глава 46

Я подставил левое предплечье. Правая осталась в фиксаторе. Серый закрепил левую на столе, включил устройство — похожее на электрическую зубную щётку с иглами. Оно зажужжало.

— Будет больно, — Серый прижал край салфетки к моему запястью. — Реагент проникает в кровоток. Привязывается к вашему биоритму.

При первом уколе стиснул зубы, оставил левую на столе. Жар расходился от рисунка; хотелось отвести запястье, а Серый закрепил его именно для этого. Толик повернулся к стене. Я следил за иглой, не требовал, чтобы он смотрел вместе со мной: мне нужна его рекомендация на входе, не свидетель того, как терплю метку.

Когда Серый отвёл иглы, сначала проверил, могу ли разогнуть пальцы в креплении. На предплечье серыми чернилами лежал сложный геометрический узор. Десять минут терпел иглы — теперь с этим рисунком пойду к сканеру. Не растирал кожу, пока мастер не закрыл её плёнкой: мне ещё карту брать этой рукой.

— Готово, — сказал Серый, выключая аппарат. Он хмыкнул, протирая руки тряпкой. — Вторая такая за месяц. Прошлый тоже под чужой билет заходил. Странные времена, парни.

Руку оставил на столе, не стал торопить Серого с креплением. Вторая за месяц — под чужой билет. Толик ещё смотрел в сторону; перевёл взгляд на него. Кто-то до нас получил такой же вход, а я собирался считать, что оригинал ждёт в ячейке без конкурента. Прежде чем уйдём, спрошу Серого, кто приходил. Может, назовёт хоть приметку, которую можно проверить в ломбарде.

— Кто это был? — я поднял голову, не вынимая руку из крепления.

Серый пожал плечами. — Не помню. Высокий. В маске. Сказал, друг Резвых.

Толик побледнел. — Я никого не приводил. Я тут один.

— Может, путаете, — Серый разгладил защитную плёнку над рисунком. — Или соврал. Главное, что метка ваша. Она работает.

После вопроса Серый отпустил крепление, я убрал левую под рукав. Перед выходом купил магнитный жучок для простого сигнального контура, заплатил отдельно. Серый показал на стенде три секунды. Я подержал корпус в левой, запомнил, какой стороной ляжет на металл. У чужого стекла времени на пробу не будет. На улице метка зазудела от воздуха. Толик молчал, смотрел под ноги; пошёл медленнее, не оставил его позади после разговора про чужого «друга Резвых».

У мусорных баков заметил куртку с эмблемой доставки. Парень говорил по рации, через несколько слов поглядывал

на нас. Курьер «Авроры». За мной или за Толиком смотрит — пока не ясно. Я сбавил шаг, чтобы Резвых не прошёл к машине у него перед глазами один. До доклада надо успеть разойтись другим маршрутом, а не выяснять здесь, чьё имя назовёт в рацию.

Толика подтолкнул к «Ниве» здоровым плечом, взглядом показал на рацию. Намёка не понял, задержался рядом. Ладонь оставил на плече, развернул к машине. — Иди к машине. Я задержу его.

— Дима, не надо... — Он зацепился за рукав моей куртки, остановил меня на шаге.

— Иди. — Я снял его пальцы левой, подтолкнул локтем к машине.

Дождлся, когда Толик побежит, шагнул к курьеру. Тот попытался уйти за угол. На повороте перехватил здоровым плечом, вжал к стене, правую не подставил. Рация выпала, зашипела у ботинок.левой удержал ворот: пока здесь, старший о восстановленном поручительстве не услышит из его рта.

— Ты следил за ним? — я прижал его ворот левой ладонью, наклоняясь ближе.

Парень испуганно закивал. — Старший приказал. Проверить, не выходит ли он на связь с конкурентами. Резвых давно должен ломбарду. Если он найдёт деньги...

— Он не найдёт, — я носком придвинул выпавшую рацию подальше от его ладони. — Он сегодня напьется до беспя-

мятства. Завтра будет лежать в канаве. Ты понял?

Парень кивнул. Глаза его бегали. — А вы?

— Я его случайный знакомый. Из бара. Мы выпили по одной и разошлись. — Я прижал его здоровым плечом, освободил левую и вынул блок питания из рации. Бросил его за ограду. — До старшего пешком дойдёшь, расскажешь. Сейчас иди.

Я отпустил его. Он упал на четвереньки, поднял рацию и убежал, шаркая ногами по мокрому асфальту. Моим словам верить он не обязан. Но без связи до старшего нужно добежать, а старшему — решить, кто именно его сегодня подвёл. Я получил минуты на смену маршрута, не вечную невидимость.

До машины дошёл, проверяя, не возвращается ли курьер. Старая «Нива» на окраине, вместо пассажирского стекла мутный пластик. За открытой дверью пахло табаком и сыростью. Сел боком, чтобы фиксатор не ударился о стойку; на свежую метку ремень тоже сразу не положил.

— Почему ты это сделал? — спросил Толик, заводя мотор. Руки его всё ещё дрожали, но теперь от холода.

— Чтобы ты мог спать спокойно. И чтобы они искали не нас. — Я пристегнул ремень, посмотрел в боковое зеркало. — До доклада у него теперь есть дорога. У нас тоже.

Толик посмотрел в мою сторону, потом на дорогу. Свет панели показал дрожь на щеке. Не перебивал вопросом про следующую дверь. — Съёмку, которую ты ищешь... Она

опасна. Я снимал её сам. И видел, что там.

— Что именно? — Я придержал его сумку с чертежами, когда она съехала на повороте.

— Сбой по приборам. Под основным горизонтом. На съёмке — скала, а стрелка дёргалась. Я думал, это ошибка калибровки. А потом мои ребята провалились в землю. Именно там. — Толик убрал руку с рычага, ткнул в левый край сумки и вернулся к рулю.

Между складами «Нива» пошла быстрее. Метка зудела под рукавом; левой придержал манжету, не тёр свежий рисунок. Завтра через неё пустят к карте, если легенда выдержит проверку. Кто-то уже входил по чужому билету, но Толик теперь сам сказал про приборный сбой под горизонтом. В ячейке буду искать не просто дорогой лист. На нём проверю место, где его группа провалилась, хотя съёмка показывала скалу.

Сумку устроил на коленях, дождался прямого участка дороги. На повороте рисунок под рукавом тянул сильнее; я оставил локоть неподвижно, пока Толик снова переключал передачу. Он дал место, которое надо проверить. Утром доедем до листа — тогда сравним приборный сбой с нанесённой скалой, не решим всё сейчас по одной памяти картографа.

Красная лампочка сканера мигала возле моего рукава. Рисунок ещё не прочёлся. Я задержал руку, не потянул манжету обратно: лишнее движение до сигнала охранник заметит

раньше, чем устройство закончит проверку. Теперь ждём, как он примет билет Резвых.

Реагент на левом предплечье не давал забыть о себе. Под курткой жгло, при попытке повернуть кисть плёнка тянула кожу. Чужой рисунок, Толиково поручительство, оплаченный мной гостевой билет — всё должно сойтись перед этим человеком у входа. Я оставил локоть достаточно далеко от корпуса, чтобы он мог поднести сканер без второй просьбы поднять рукав.

— Пропуск? — Вышибала протянул сканер и указал им на мой рукав.

Толик, шатаясь, ткнул пальцем мне в грудь. Палец дрожал от похмелья и страха, но держался уверенно.

— Мой гость, — хрипло сказал он. — Дмитрий Андреевич. По поручительству Резвых. Считаю, я за него головой. Если что — срезайте её вместе с меткой.

Вышибала держал сканер, смотрел сперва на Толика, потом на меня. Не шевелил предплечьем, хотя хотелось закрыть его от воздуха. Метку получил по оплаченному гостевому билету, реагент числился за Резвых. Рисунок и поручительство система знает; Серый предупредил, что полная проверка покажет другого владельца. Сейчас охранник сверял вход, а я ждал зелёного прежде, чем позволить себе шагнуть к турникету.

Лампочка стала зелёной. Щелчок услышал раньше, чем охранник убрал сканер. Дождался, когда отведёт прибор,

опустил левую. Рисунок пропустили; до зала ещё надо сдать то, что решат проверить в карманах.

— Проходите, господа. Гардероб там. Оружие и звенящее — сдать. Всё, что не помещается в карман, остаётся здесь. — Вышибала отступил, освобождая турникет.

За турникетом запахло бумагой и сладковатым химическим составом. Посмотрел наверх: лампы в клетках, высокий свод, стеллажи вдоль стен. Планы на рамах, тубусы, коробки с бирками. Шёл медленно, различал номера, не упираясь взглядом в одну полку. Пока приняли гостями; главное не показать, что мне известна конкретная ячейка.

За стеллажами мог лежать нужный лист. Я смотрел на бирки, проходя дальше: тут продают не только бумагу, но и возможность обойти вторую пасть вовремя. За такую схему уже платил Виктор. Нам с Толиком предстоит дойти до оригинала с моей чужой меткой и Толиковым поручительством, не остановиться у первой красивой копии.

Мила сидела за овальным столом в центре. Пока шли между стульями, продолжала листать планшеты. Я не торопился её окликнуть: пусть сначала сама поднимет глаза на гостя Резвых. До нужной ячейки просто пройти не даст, а покупать наугад то, что предложит, я не собирался.

Гардеробщик протянул руку. Ладонь вверх, терпеливо. — Телефон, ключи, металл. Всё, что может издать звук или сигнал. — Гардеробщик придвинул лоток под мои карманы.

Рабочий телефон нёс фотографии ящиков с маркировкой «Авроры» у чёрного хода. Доказательство. Козырь. И улика против меня же, если найдут. Его я прятал до гардероба, а сейчас стоял перед терпеливой ладонью со старым дубликатом.

Я достал разряженный дубликат. Старый кирпич, который взял дома перед выходом. Рабочий аппарат заранее выключил и спрятал под стельку правого ботинка. В лоток положил только старый.

— Звучит тихо, — Гардеробщик нажал кнопку, подержал, встряхнул трубку.

— Батарейка села, — я указал на пустой экран. — У вас тут связь плохая, ловлю только на улице.

Он повертел трубку в руках, ничего не нашёл и бросил в ящик. Рабочий телефон давил под стелькой, но к нему не потянулись. Пика оставалась в «Ниве», самопальная цепь — дома; звенеть перед ним нечему. Рука в фиксаторе ныла, но я держал спину прямо. Мы прошли дальше.

В зале насчитал человек тридцать, потом сбился, пока обходили столы. Костюмы, дорогие сумки, рейдерские куртки — все толпились у витрин с «венцами». Под стеклом оригиналы. Я задержал взгляд на ближайших штампах, но к рамке не подошёл. Прежде надо говорить с хозяйкой, не дать ей сразу увидеть, какой именно лист приехал искать.

Мила подняла глаза.

— Добрый вечер, — Мила отложила планшет, удерживая

пальцем последнюю строку. — Резвых, я тебя не помню. Ты сменил имя? Или потерял память после вчерашнего запоя?

Толик покраснел, открыл рот, чтобы огрызнуться, но я наступил ему на ногу. Больно. Он замолчал.

— Клиент — я, — сказал я вместо него. Спокойно. Не глядя на Милу, а изучая витрины. — Меня зовут Дмитрий Андреевич. Мне нужно кое-что рабочее. Не топовое. Средний рукав, горизонт Восьмого участка.

Мила усмехнулась, я оставил ладонь на краю стола. На «Восьмой участок» от карты не отвернулся: это и спрашивает клиент, который приехал за рабочей схемой. Настоящий номер ячейки ей пока не назову.

— Восьмой участок закрыт для свободного доступа уже два года. Его никто не снимает. Там живут только мертвецы. Зачем вам схема того, чего нет?

— Для страховки, — я повернул манжету левого рукава к свету. — Иногда мертвецы возвращаются. И тогда живым нужны карты.

От моего лица Мила перевела взгляд на фиксатор. Я правую убрал ближе к груди, левую оставил на столе, не прикрывая метку. Травму уже увидела; прятать обе руки означало бы предложить ещё одну причину меня проверить. Дождался её вопроса, не стал объяснять, чем повредил плечо.

— Вы коллекционер? — Она отодвинула планшет от края.

— Подрядчик, — я подвинул стул ближе к столу, не следуя рукой за листом. — Работаю на независимых. Покупаю

то, что гильдии боятся продавать официально.

Мила щёлкнула пальцами. Помощник принёс ей три листа. Она развернула их на столе.

— Вот. Средняя рука. Два года назад снял один паренёк, потом он упал в трещину. Схема живая, но неполная. Пятый сектор пуст. Цена — пятьсот тысяч плюс рекомендация действующего наводчика. Рекомендацию вы уже дали, Резвых. Теперь платите деньгами.

Предложенные три листа рассматривал, не вытаскивая денег. Рабочая схема, пятый сектор пуст, а мне нужен оригинал из Л-КБ-77, оплаченный Виктором на хранение. Про эту квитанцию говорить не стану. Имени получателя Гошина приказа всё ещё не знаю; за ним тоже нужно идти через настоящую съёмку, не платить за первую приманку. Угол листа подниму и спрошу о цене так, как положено недовольному покупателю.

— Пятьсот тысяч, — повторил я. — Дорого для пустого сектора. — Я приподнял угол листа там, где линия обрывалась.

— Пустой сектор стоит дороже полного, — Мила прижала угол обратно к столу. — Потому что туда не ходят. А значит, там безопасно. Или смертельно. Зависит от того, кто первый заглянет.

На названной цене задержался, поглядел от листа к витрине. Как будто считаю, хватит ли денег на такой пустой сектор. Ей нужно увидеть именно колебание клиента, не уве-

ренность человека, который уже записал нужный номер. Палец отвёл от схемы, приготовил вопрос о «венцах».

— А венцы у вас настоящие? — я отвёл палец от листа, кивнул на витрину. — Или это копии для красоты? Я слышал, что лучшие схемы хранятся в сейфах, а под стекло кладут муляжи.

Лицо Милы стало каменным.

— Венцы по отдельному кругу, — Мила убрала схемы от края стола. — И доступ к ним имеют только те, кто прошёл проверку. Ваш друг Резвых... сомнительное поручительство. Месяц залога просрочил. Вчера закрыли, я вижу платёж. Но история осталась. Вы уверены, что хотите рисковать репутацией ради сомнительной компании?

— Уверен, — кивнул я.

Толик засопел, оглянулся на охранника. Руки дрожали; он мог быть пьян, мог добавлять к похмелью показное, я ещё не разобрал. Главное, в зале на него смотрят как на Резвых с долгом, не на проводника к конкретной ячейке. Теперь можно попроситься в коридор, оставив предложенные карты на столе.

— Мне нужно в туалет, — я отодвинул стул и поднялся. — Коридор направо?

— Направо, но далеко, — она указала планшетом на проход между стеллажами. — И без телефонов. Камеры везде.

Между стеллажами шёл ближе к стене. Фиксатор тянул правую сторону куртки, приходилось сутулиться. За рамой

им не зацепиться бы раньше двери. Милу за спиной не видел; не оборачивался проверить взгляд, как клиент, забывший дорогу. Направление уже дала.

На углу коридора стоял охранник. Крупный, с рацией. Толик, скрипнув табуретом, встал со своего места.

— Эй! — крикнул он громко, гнусаво. — Хозяйка! Почему этот тип пялится на моего друга? Он его знает? А может, они вместе долг собирают? Может, это не клиент, а коллектор?

Толик махнул рукой, сбил стаканчики у соседей. Я услышал их ругань, не повернулся всем корпусом: охранник уже шёл от угла к картографу. Вот теперь проход открыт. До конца спора ждать нельзя, Резвых отвлекает его не для того, чтобы я стоял у стены и наблюдал представление.

Я завернул за угол. Коридор был тёмным, узким, с бетонными стенами. Камеры висели на каждом перекрёстке, но Толик в мастерской наколок показал мне слепые зоны. Стеллажи и стойки закрывали обзор; пиксель на мониторе моё тело в коридоре не спрятал бы.

Шаги гуляли эхом. Я считал повороты. Налево. Прямо. Ещё налево. Дверь с кодовым замком. Код я знал — слово, которое мы с Катей собрали из двух половин: «Зерно-7». «ЛКБ-77» — номер ячейки, его пригодится искать уже за дверью.

Замки щёлкнули. Я вошёл.

Комната была маленькой, складской. Полки до потолка.

На них — коробки, папки, тубусы. Я искал глазами. Номер семьдесят седьмой. Вот он. Ящик. Закрыт. Я подался к нему боком, чтобы не зацепить полку фиксатором. В этом тесном проходе мне хватит одной рабочей руки — лишь бы не выдать себя грохотом чужих тубусов.

Я потянул дверцу. Она поддалась легко. Слишком легко. Пусто.

Внутри лежала пыль. И клочок бумаги. Я взял его. На нём написано маркером: «Продано. Смежник забрал. 14:00».

Записку задержал перед лицом. Четырнадцать ноль-ноль. До нас. Хотелось перечитать время как номер другой ячейки, но маркер вывел именно «Продано». За пустой дверцей больше искать нечего; прежде чем закрыть, проверю, не сказано ли, куда перенесли лист.

Записку вернул на пыль туда, откуда взял. Смять хотелось; разжал пальцы, пригодится увидеть такой же, если придётся проверять продажу. Планировал выйти с оригиналом из полной ячейки. Теперь прочёл «Продано», а что вынесли, не написано. Могли отдать копию, перенести оригинал в витрину. Штамп проверю там, прежде чем эта пустая дверца закончит мой вечер.

Если лист вынесли не из дома, он может быть в витрине. Под стеклом. Как товар для тех, кто может позволить себе посмотреть, но не трогать. Проверю гриф и штамп, прежде чем позволю пустой ячейке закрыть мой выход.

Я выскользнул обратно в коридор. Нужно было вернуться

в зал. Сохранить лицо. Не показать, что я знаю о провале.

Но у выхода из коридора меня ждали.

Не охранник. Не Мила.

У прохода узнал не охранную форму, дорогой плащ. Мужчина лет тридцати пяти, аккуратная борода, на лацкане маленький значок «Севергео». Геодезия, добыча, анализ недр, оптовые карты. Я задержал шаг перед ним: сотрудник такой корпорации здесь может знать цену нужного листа, но мне сейчас важнее, почему ждёт у служебного коридора, не у витрины.

Он стоял, прислонившись к стене, и курил сигарету, которую, наверное, не имел права курить здесь.

— Хорошая легенда, — он отнял сигарету от губ, перегородив мне проход локтем. — Плохой план.

Я остановился. Левая сама потянулась к перевязи, но пика осталась в машине. Я положил ладонь на шов куртки. Под ним зудела чужая метка; до выхода за спиной Икши было три шага.

— Вы кто? — Я сместился на полшага, не давая ему зажать меня у стены.

— Роман Икша. Агент по закупкам. — Он улыбнулся, не освобождая проход. — Я тебя знаю, Пырьев. Или ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя Дмитрием Андреевичем?

На «Пырьев» перестал следить за сигаретой и посмотрел ему в лицо. Настоящую фамилию на входе не называл. Значит, пройти мимо Икши к витрине как гость Резвых уже не

выйдет. Сначала узнаю, что ему нужно за молчание, пока вокруг ещё не собралась охрана.

— Ты тот парень, который уронил Марата, — Икша постучал фильтром по пачке. — Видео разошлось по всем каналам. Инструктор D-ранга лежит на полу, а новичок E-ранга стоит над ним. Эффектно. Глупо, но эффектно.

— Чего тебе надо? — я остановился у края его плаща. Голос не дрогнул, хотя хотелось оттолкнуть руку с сигаретой.

— Я хочу посмотреть, как ты будешь выбираться из этого дерьма, — он указал сигаретой в сторону зала. — Ты пришёл за Восьмым участком. Оригинал не здесь. Он в витрине. Под сигнальным стеклом. Мила будет рада продать его дорого, потому что знает, что ты отчаялся.

— Откуда ты знаешь про Восьмой? — К залу повернул голову, не сходя с места. Икша назвал мой лист, я ещё не услышал, откуда взял номер. У поворота никого. Пусть ответит здесь, не ведёт меня за сигаретой к Миле.

— Я тоже ищу. Но я не краду. Я покупаю. — Икша стряхнул пепел. — Иди обратно. Делай вид, что торгуешься. Я буду наблюдать. Если ты попытаешься уйти с этим... скажем так, у меня есть контакты в Реестре. И они очень хотят поговорить с человеком, который знает слишком много о разломах, которых не должно быть.

Икша посмотрел на фиксатор, хлопнул по здоровому плечу. Я удержался на месте, не отвёл его ладонь. При охране такой жест можно принять за встречу знакомых, а мне ещё

идти обратно в зал. Его улыбку терпеть неприятнее хлопка; пока она стоит мне только этого, не начала проверки метки.

— Удачи, Дмитрий Андреевич. Или как там тебя зовут в паспорте.

Икша отвернулся и пошёл обратно в зал.

Я остался в коридоре. Минута тишины. Потом я выдохнул.

Резвых поручился за Дмитрия Андреевича, Икша назвал Пырьева. Я стоял ещё секунду, выбирал: уйти сейчас без карты или вернуться за листом, который он показал в витрине. Не сдал охране, обещал наблюдать. Значит, ждёт, что я устрою шум и уроню цену. Его покупателя обслуживать не стану, но тихим гостем здесь уже не побуду. Надо выиграть выход с оригиналом, не сохранить красивую легенду до гардероба.

Значит, тихий вынос невозможен. Нужно менять тактику. Не изъятие. Ограбление. Громкое. Такое, из которого я выйду с листом. Икша уже знает лицо; теперь мне нужнее карта, чем красивая тайна.

Глава 47

Я вернулся в зал. Толик сидел на полу, охранник тряс его за воротник.

— Пусти его, — я подошёл к охраннику, поставил левую ладонь на его запястье. — Он мой поручитель. И я не люблю, когда трогают моих людей.

Охранник посмотрел на меня. Потом на Милу. Та кивнула.

— Протрезвиться, — охранник разжал хват на воротнике, взял Толика под локоть. — В подсобку.

Толик завыл. Протестовал. Его уволокли. Через боковую дверь подсобки можно было выйти во двор; перед уходом я показал Толику знакомый жест к машине. Он заметил.

Я остался один посреди зала. Мила смотрела на меня с лёгким любопытством.

— Друга увели, — Мила подтянула к себе три предложенных листа. — Продолжим?

— Да, — кивнул я. — Но мне не нужна средняя рука. Мне нужно посмотреть витрину. Осмотреть товар лично. Перед тем, как решиться на покупку.

— Витрина под сигнальным стеклом, — она остановила помощника поднятой ладонью. — Прикосновение к рамке вызывает реакцию.

— Я знаю, — я убрал левую с края стола к собственному

поясу. — Просто посмотрю. Глазами.

Она пожала плечами.

— Пожалуйста. Только быстро. Время — деньги. — Мила проводила меня к витрине, остановилась на расстоянии вытянутой руки.

Я остановился перед витриной. Стекло было толстым, матовым по краям, прозрачным в центре. Внутри лежали десять листов. Самые дорогие. Самые редкие.

Я сканировал глазами. Масштаб. Штамп. Дата съёмки.

Первый лист — сеть метро. Второй — промышленная зона. Третий...

Четвёртый.

Масштаб 1:500. Гриф «СЕКРЕТНО». Штамп внизу справа: «В-8». Восьмой участок. Оригинал.

От штампа «В-8» перевёл взгляд к краям листа. За стеклом настоящий оригинал, не пустая бирка в ячейке. Достать его из этой рамы придётся при людях. Я держал левую возле своего пояса, не давал пальцам дотронуться до стекла раньше, чем пойму устройство зажимов.

На нужном штампе взгляд перестал перескакивать с листа на лист. Пустая ячейка уже не означает, что опоздал: бумага здесь. Подышал ровнее, посмотрел на оценщика у соседней рамы. Мне сейчас важнее его движение, чем цена на табличке.

Они думали, пустая ячейка меня сломала. Ячейка дала им деньги. А мне — время увидеть, какие зажимы оценщик от-

крывает на соседней раме, когда клиенту разрешают заглянуть под стекло.

До нижнего язычка можно дотянуться левой. Я посмотрел, сколько движения нужно оценщику, и повторил пальцами у шва куртки. Один зажим, второй, третий. Вчерашний жучок теперь перестал быть надеждой на чудо.

Теперь я знал, где цель. На табличке у входа было написано: завтра День распродажи залогов. Единственный день, когда листы дают посмотреть покупателям вблизи, отпуская рамные зажимы. Я ещё раз посмотрел на нижний язычок.

Я обернулся к Миле.

— Красиво, — я отошёл от стекла, чтобы ей пришлось повернуться ко мне. — Но дорого. Мне нужно подумать.

— Думайте, — улыбнулась она. — Но недолго. Поручитель ваш... ненадёжный актив.

На выходе забрал старый телефон в гардеробе, сжал в левой вместе с номерком. Рабочий доставал уже в «Ниве», оттянув стельку. Толик ждал у руля; дверь не закрывал, смотрел на меня трезвее, чем в зале. Не начнёт сейчас орать, что я завёл его под проверку? Садясь, убирал оба аппарата по карманам.

— Они тебя узнали? — Толик повернулся от руля ко мне, не закрывая дверь, пока не сяду.

— Нет, — соврал я. Закрыв пассажирскую дверь, придержал тубусы на сиденье. — Но они знают, что мы придём завтра.

— Зачем?! — Он убрал ключ от замка зажигания, будто я попросил ехать прямо в витрину.

— Потому что сегодня мы поняли, где лежит то, за чем пришли. А завтра... завтра мы это заберём. — Я набросал на обороте чека три зажима. — Ночью проверю движение на пробной кальке. Своё стекло я теперь видел.

Мотор завёлся, я проверил на заднем сиденье чехол с пикой. У мастерской заберу, завтра оставлю дома — на витрину с оружием не пускают. На коленях развернул чек с зажимами. Штамп «В-8» ещё держался перед глазами, рядом Икша у поворота. Теперь он знает, кто придёт завтра. Ночью буду готовить движение, не новую версию имени для входа.

На рисунке задержал палец у третьего зажима. Ночью левой повторю порядок, потом спрячем пробную кальку в манжету. За стеклом остановиться и потренироваться уже не дадут. Икша знает лицо; предложи ему завтра удобный промах — использует его прежде, чем доберусь до выхода. Чек сложил рисунком внутрь, оставил у себя.

В утренней толпе упёрся спиной в холодную стену, дал пройти залогодателю с коробкой. Из двери тянуло сыростью, картами и табаком. Под курткой пробная калька липла к левому предплечью: ночью десять раз прятал рулон в манжету, метку у запястья не цеплял. Оригинал ещё за стеклом. Правую держал фиксатор, снимать его ради здорового вида не стану. Нож и жучок устроил в шве, проверил их положение до очереди. Толика попросил завести мотор заранее, не ко-

гда увидит меня с листом. Толик провёл по поручительству, ушёл через гардероб к «Ниве» у дворового угла. Пика дома. Рабочий телефон спрятал до входа, старый сдал в лоток. Номерок лежит в кармане; на ощупь отличу его от жучка, даже если придётся идти мимо гардероба быстро.

— Не толкайся, дед! — крикнула женщина в платке, пытаясь протиснуться к столу осмотра. Её номерок звякнул о медь стойки, но очередь не двинулась. Люди теснились так плотно, что можно было разглядеть поры на носу соседа.

Очередь после крика женщины сдвинулась, охранник ещё смотрел в её сторону. Старушка рядом не успела переставить ногу, парень с клетчатым портфелем уже напирал. Подхватил её за локоть левой. Здесь и без моей помощи могут начать давку; пусть сначала отступит человек с портфелем, а я займу освободившееся место без скандала.

— Аккуратнее, бабушка, тут ноги ломают, — я поставил её перед собой, отодвинул портфель носком ботинка. Старуха кивнула, парень в клетке покраснел и отступил. Место у стола освободилось. Я занял его, положил левую ладонь на край. Играл покупателя средней руки, искал глазами Икшу. Витрина была справа от стола осмотра; вчерашние зажимы ещё держали лист «В-8».

Икшу нашёл за угловым столиком с фарфоровой чашкой. Кофе здесь пах сильнее, чем у очереди. Подошёл, сел напротив без приглашения, локоть устроил так, чтобы рукав не тёр метку. Он ждёт моего шума. Я же сперва услышу, что приго-

товил сам, а не пойду к стеклу по одному вчерашнему обещанию наблюдать.

— Ты здесь из-за копии. — Я наклонился над чашкой, глядя ему в переносицу. — Я — из-за оригинала. Хочешь, чтобы мы подрались за столом Милы?

Икша медленно поставил чашку. На лице только лёгкая насмешка. Он меня узнал ещё вчера, а сейчас даже взглядом не предложил поделиться столом. Подвинул блюдце к себе, освободил между нами место для расчёта.

— Хочу, чтобы ты сделал это громко, — он повернул чашку ручкой от меня, понизил голос до бархатного шёпота. — Мне нужна паника. Мой покупатель хочет, чтобы цена упала. Если витрина разобьётся, если начнётся давка, если охрана потеряет голову... я смогу забрать копию со скидкой. Или вообще бесплатно.

На «бесплатно» я усмехнулся, задержал ладонь у края стола. Его копия, мой оригинал — пока разные листы. Хотел заставить меня устроить давку для своего покупателя. Я же не стану бить витрину, если могу забрать бумагу целой. Пусть готовит шум, а что именно сделаю у рамы, ему рассказывать незачем.

— Смотри на меня. — Я отодвинул стул ногой. — Я буду ронять лот.

— Жди сигнала от генератора. — Икша повернул свой телефон экраном вниз, не дав прочитать сообщение. — Я уже договорился с одним электриком. Свет мигнёт дважды.

Я вернулся к столу осмотра. Передо мной лежал лот с гранатовыми бусами — мелочь, залежалый товар. Рядом охранник с квадратной челюстью. Бусы можно было взять в руки; до зажимов витрины от края лотка оставался один шаг.

Лот взял левой, подождал, пока он перестанет скользить в потной ладони. Пробная калька под курткой прижималась к коже; ночью проверил, где удержит манжета. Теперь смотрел не на гранаты, на штамп «В-8» за стеклом. За вход заплатил Толиков долг, за метку терпел иглы. Всё это останется расходом, если охранник увидит руку у рамы раньше мигания света. Пальцы держал на лотке, не тянулся к зажимам заранее.

Свет мигнул один раз. Потом второй. Генератор просел; два огонька на посту охраны погасли. Камеры над дверью пошли перезапускаться. Я повернул лот, словно при тусклом свете не различал камней.

Я уронил лот.

Гранатовые бусы рассыпались по полу со стеклянным звоном. Охранник дёрнулся, наклонился, чтобы товар не растоптали у него под ногами. Я сдвинулся за его широкую спину, протянул левую к раме. Пальцы нашли знакомый стык. Жучок лёг на металл. Три секунды. Нож уже лежал вдоль ладони; пробовать новый приём было поздно.

Нижний язычок отжал лезвием, перешёл к двум боковым зажимам, которые вчера отпускал оценщик. Стекло подалось на ладонь. Подставил здоровое плечо, освободил левую.

Теперь угол кальки вниз и на себя, как ночью на пробной полоске. Лист вышел из держателя; не разглаживать, не разглядывать, сразу в рулон. Пробу вытолкнул под подкладку, настоящий засунул выше локтя. Раму прижал обратно, жуток снял. Короткий писк застал на верхнем зажиме — не сел до конца. Три секунды кончились. Охранник выпрямился с бусами в кулаке, и я оставил руку у рамы: резко отдерну — сам покажу ему, куда смотреть.

— Ты чего там делаешь? — Он положил свободную руку на край рамы, ещё не успев посмотреть вниз.

— Помогаю вам. — Я улыбнулся, показал подбородком на лоток у помощницы. — У вас тут сквозняк, стекло запотело. Я протираю. Бусы все?

Охранник хмыкнул, посмотрел на помощницу с лотком. Она перебирала уцелевшие бусы. Его ладонь ушла с рамы.

Я поправил манжету, отступил от стекла на полшага. Лист был выше левого локтя, метка осталась у запястья. Больная правая не брала ни бумаги, ни ножа. Всё, что я повторял ночью, закончилось одним настоящим рулоном под рукавом.

В этот момент свет погас окончательно. Запасные лампы включились с рывком, залили пространство красноватым сумраком. Толпа взревела. Кто-то кричал, кто-то смеялся. Помощница подхватила лоток с бусами; покупателей позади неё уже оттесняли от другой витрины. Икша громко звал своего оценщика.

Я шёл спокойно, левая придерживала манжету, правая ле-

жала в фиксаторе. На главном выходе уже начиналась проверка. В День распродажи сканер сверял не только входной рисунок и билет Резвых, но владельца реагента с кожей. Чужое поручительство пустило меня в зал; моей кожей оно от этого не стало. Лист лежал выше локтя, метка — ближе к запястью. Если они потянут рукав, получают оба.

Я остановился у турникета. Два охранника в чёрных жилетах держали ручные сканеры. Первый протянул ладонь; второй смотрел поверх моего плеча на очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.